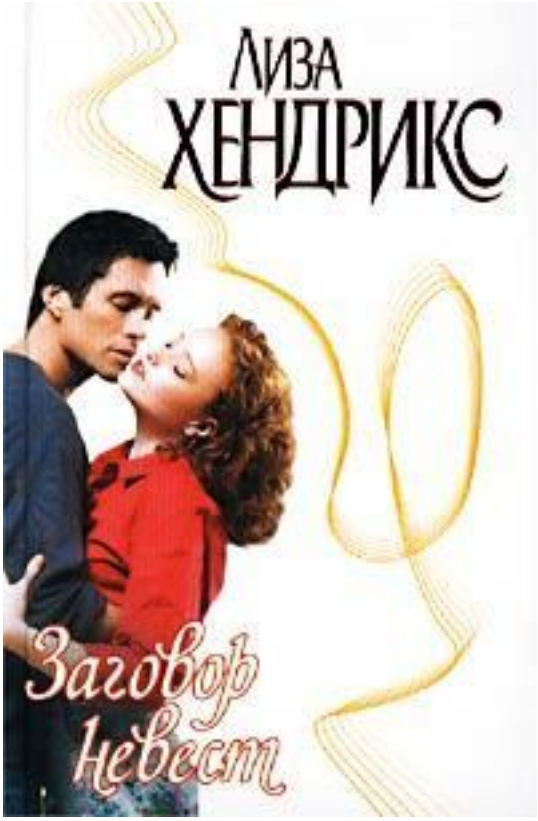
Лиза
Хендрикс
Заговор
невест

Лиза Хендрикс

Заговор невест

Хендрикс Л.

Заговор невест / Л. Хендрикс —

Сколько легенд ходит о невероятной, святой и грешной страстности зеленоглазых ирландских мужчин! Сколько песен спето, сколько любовных романов написано, сколько голливудских фильмов снято! И всегда все кончается свадьбой!Но можно ли на самом деле женить ирландца? Или хотя бы снять об этом репортаж?Перед вами – самая невероятная, самая забавная, самая прелестная история любви, о которой только можно мечтать! Потому что женить ирландца, конечно, нелегко, но вот заставить его влюбиться – проще, чем кажется!..

© Хендрикс Л.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 18
Глава 3 24
Глава 4 34
Глава 5 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Лиза Хендрикс
Заговор невест

Глава 1

Дверь паба распахнулась под порывом ветра и впустила с запахом дождя и торфяного дыма мокрую, растрепанную молодую женщину. Щеки у нее ввалились и горели гневным румянцем, и когда она захлопнула дверь, откинула капюшон плаща и качала нервно расстегивать пуговицы, все разговоры в пабе смолкли.

– Похоже, там гроза, – заметила одна старуха, обращаясь ко всем сразу и ни к кому в отдельности. – Плохой день, да, Эйлин?

– Лучше сказать – плохое десятилетие, – ответила Эйлин, взбивая по-мальчишески короткие рыжие кудри. Она посмотрела в сторону женщины, которая вытирала высокую, почерневшую от времени стойку бара. – Пинту, пожалуй, Мэри.

– Небось что-то с Томми, – высказал кто-то догадку.

С десяток голов согласно кивнули, и в зале начали шепотом строить догадки на этот счет, пока Эйлин вешала плащ на крючок и шла за портером.

Тара О'Коннел скромно сидела в дальнем углу зала, и ее ухо репортера автоматически ловило все сказанное.

Сегодня в пабе «Нос епископа» проводился дамский вечер. Это был лучший паб Килбули и единственное заведение на много миль вокруг, которое ввело у себя такое современно мероприятие, как дамский вечер. Произошло это благодаря Мэри Доннели, которая доставала своего мужа по этому поводу почти пять лет, так как считалась в некотором роде феминисткой. Тара узнала об этом и о многом другом от женщины, держащей крохотную гостиницу дальше по шоссе, и для этого ей всего лишь потребовалось спросить, где она может выпить пинту пива после ужина.

Похоже, она не ошиблась, когда решила посетить «Нос епископа», и все же Тара не ожидала, что здесь будет так много женщин и всего трое мужчин, которые сидели у стойки в обнимку с пинтовыми кружками и делали вид, что им все нипочем.

Эйлин втиснулась за большой стол, занимающий середину зала, и полдюжины сидящих за ним женщин сдвинули стулья, чтобы дать ей место. В воздухе ощутимо повисло предвкушение интересного рассказа.

Но ждать пришлось довольно долго. В хорошей байке главное – довести слушателей до изнеможения и начать рассказ в ту минуту, когда у них начнет лопаться терпение. Судя по всему, Эйлин явно знала это основное правило.

Тара прикончила свой бокал «Гиннеса» и знаком попросила у Мэри Доннели еще порцию, а Эйлин в это время обменивалась приветствиями с другими женщинами. Они все говорили с сильным местным акцентом и иногда вставляли ирландские фразы. Беседа перескакивала с погоды на нового учителя начальной школы, потом на кошмарные цены на муку и прочее в том же духе.

Наконец – возможно, для того, чтобы поторопить Эйлин, – кто-то заговорил о свадьбе кузины из Голуэя, куда доставили розовые розы с юга Франции.

– У отца Брина на розы аллергия, – непререкаемым тоном заявила Эйлин. – Но это не имеет значения. Заказ на розовые розы не скоро еще поступит из Килбули.

По залу пронеслось приглушенное «а-ах».

– Значит, Томми до сих пор не сделал тебе предложения?

– Конечно, нет. Этот упрямый негодяй… – Эйлин покраснела и бросила взгляд на темноволосую женщину. – Не обижайся, Пег. Ты вырастила прекрасного сына, если не считать этого момента.

– Я и не обиделась, – ответила Пег. – Я надеялась, что он в конце концов все же сдастся. Мне нужна его комната для шитья. – Она вздохнула. – Не знаю, что с ним такое.

– У него аллергия на женитьбу, как у нашего доброго священника на розы, – вступила в разговор Мэри. – Вот что с ним такое!

По пабу пронесся смешок. Даже Эйлин улыбнулась, глядя в свой бокал с пивом.

– Ну так я сама сделала ему предложение, – призналась она.

Тара прислушивалась, и то едва расслышала слова Эйлин. Прошло несколько секунд, пока их смысл дошел до остальных женщин за столом. Смех утих.

– Что ты сказала? – переспросила Пег.

– Я сказала, что сама сделала ему предложение. Мне двадцать девять, и я устала ждать. Я предложила Томми жениться на мне.

– Смело!

– Молодец!

Эйлин отмахнулась от похвал.

– И чего я добилась? Он отказался.

– Вот гад! – пробормотала Пег.

Увлеченная разворачивающейся драмой и испытывая к Эйлин сочувствие, рожденное собственным недавним опытом, Тара подождала вместе с остальными, пока та сделает большой глоток пива, чтобы промочить горло.

– О, он вел себя очень мило, – небрежно заметила Эйлин. – Извинялся и все такое. «Время сейчас неподходящее», – заявил он. Он зарабатывает мало денег, и я тоже – так он сказал, – и не хотим же мы жить на пособие. Нам еще долгое время не удастся заполучить собственный дом…

– У нас есть старый домик. Вы могли бы пока перебиться… – предложила Пег.

– А то я не знаю! – возмутилась Эйлин. – Все эхо просто отговорки. Он хочет дать мне понять, что не готов жениться. Поэтому я на него насела. Уперлась, и все. Женись на мне, сказала я, а не то мне придется искать другую работу и более сговорчивого мужчину.

– Ты этого не сделаешь, – произнесла одна из женщин за соседним столом.

Эйлин продолжала почти без паузы:

– «Зачем нам вообще жениться? – спросил он медовым голосом. – Почему бы нам просто не оставить все как есть?» И все время целовал меня, как будто старался отвлечь. А потом проговорился: «Брайен прекрасно устроился и без женитьбы. Почему ты не можешь просто быть счастлива со мной, как женщины Брайена с ним?» – Эйлин с сердитым стуком поставила бокал на стол. – Женщины этого Брайена! – с отвращением фыркнула она. – Будто я похожа на его девиц из Дублина!

По пабу пронесся ропот осуждения в адрес Томми, Брайена и распутных девиц из города. Мужчины у стойки придвинулись друг к другу, чувствуя себя в большей безопасности вместе.

Тара почти не замечала поднявшегося шума, так далеко унеслись ее мысли. Этот Брайен…

«Этот Брайен» был не кто иной, как Брайен Патрик Шеймус Ханрахан, «золотой мальчик» из Килбули и единственный наследник состояния Ханраханов. Он был классическим образцом высокородного плейбоя, какого только можно найти в деревне. И именно из-за него Тара сидела в пабе, в глуши графства Клэр, в этот дождливый вечер вторника.

Весь последний месяц она умоляла своего продюсера дать ей деловой отпуск, чтобы получить свободное время для съемок передачи, которую ей хотелось сделать уже целую вечность, – передачи о Брайене Ханрахане. В конце концов, напомнила она ему, она уже пять лет служит

на РТИ и при этом ни дня не пропустила по болезни, никогда не брала положенного ей отпуска и прямо заявила, что хочет получить за это награду. Кроме того, доказывала она, материал о Брайене разбавит многочисленные репортажи о сорванных мирных переговорах и спорах о «евро». Если он действительно собирается баллотироваться в парламент Ирландии, о чем ходят слухи в Дублине, то публика должна знать, какой он в действительности человек.

И именно Тара ей об этом поведает.

Все же она добилась своего и получила три недели отпуска и задание и вот благодаря этим милым женщинам уже более-менее представляет, как будет выглядеть ее репортаж.

Именно ради этого она и приехала в Килбули: ведь никто не знает характер человека лучше, чем люди из его родной деревни. Но она не ожидала получить сразу так много сведений. Тара осторожно нагнулась и достала из потрепанной кожаной сумки, в которой хранились все ее самые ценные вещи, тонкий блокнот и ручку.

Эйлин убрала волосы, упавшие на глаза.

– Я устала от того, что все мужчины в деревне считают Брайена Ханрахана идеалом мужчины, образцом для подражания.

– Эй! Нечего катить бочку на Брайена! – подал голос один из мужчин у стойки. – Он славный парень.

Эйлин оглянулась.

– А когда ты собираешься жениться, Рори Боланд? – Рори, покраснев, фыркнул.

Сидящий радом с ним приятель хохотнул и хлопнул его по спине.

– Значит, Эйлин, ты Рори тоже делаешь предложение?

– Нет, Дэниел. – Она многозначительно посмотрела на его руку, лежащую на спине Рори. – Мне бы не хотелось становиться между вами.

Женщины рассмеялись, когда мужчины отпрянули друг от друга.

– Да ну тебя, – пробурчал Рори. – Распущенность – вот что принесли нам современные порядки Хью Доннели. Женская распущенность.

Когда смех умолк, одна из женщин ткнула Эйлин локтем в бок.

– Ты злая девчонка.

– Они вывели меня из терпения, вот что, – проворчала Эйлин. – Может кто-нибудь из вас сказать, когда в деревне в последний раз играли свадьбу?

– Энни и Питер, – ответила Пег. – Уже почти четыре года назад.

– Не может быть! Неужели так давно? – воскликнула черноволосая женщина.

Записывая этот разговор, Тара пожалела, что не знает имен. Ей придется вставить их потом.

– Да, именно так. А предыдущая свадьба была за два года до нее.

– Вам не кажется это чертовски странным? – Эйлин обвела всех сердитым взглядом. – Деревня таких размеров – и всего две свадьбы за шесть лет?

– Многие парни уехали, – заметила Пег. – Поступили в университет.

– Или в Дублин на работу, – добавила другая женщина.

– Осталось тоже немало, – возразила Эйлин. – И я не говорю о мальчишках, я говорю о мужчинах, достаточно взрослых, чтобы жениться. Но никто из них не женится, потому что они такие же, как эти… – Она показала пальцем через плечо на мужчин у стойки. – Воображают себя Брайеном Ханраханом, но не имеют его денег. Кроме Питера Джури, не могу вспомнить ни одного парня из нашего класса, который продолжал бы жить в Килбули и женился. И из предыдущего выпуска тоже. А ты, Крисси?

Крисси не вспомнила, как и остальные женщины. Кто-то достал карандаш и старый конверт, и начал записывать имена всех неженатых мужчин старше тридцати, которые живут в деревне или в ее окрестностях. Начали с троицы у стойки бара. Они писали, кричали и спорили, отпуская шуточки в адрес мужчин. Больше всех имен и шуточек исходило от Мэри Дон-

нели, которая, как жена трактирщика, знала о мужчинах Килбули больше, чем приличествует порядочной женщине.

Все это время Тара быстро записывала полученную информацию и тихонько хихикала вместе с женщинами. Она могла понять их озабоченность. Три или четыре года между свадьбами – это слишком долго, даже в такой деревне, как Килбули. Красивую каменную церковь на окраине следует использовать чаще.

Чем длиннее становился список холостяков, тем более едкими шуточками обменивались женщины, вгоняя в краску троицу у стойки. В конце концов мужчины уплатили по счету и выскользнули за дверь, ругая несносных женщин на чем свет стоит.

– Похоже, мы их спугнули, – засмеялась Эйлин. – Слишком уж увлеклись разговорами о женитьбе. Надеюсь, мы не навредили твоему бизнесу, Мэри?

– Только на этот вечер. Рори вряд ли начнет ходить в другое место, раз снимает комнату здесь, наверху, правда? – Мэри взяла три бокала и поставила их в мойку. – А если он будет здесь, то и те двое придут – куда им деваться? И сколько же их в этом списке?

После минуты подсчета было объявлено:

– Двадцать один.

– Так много? Ты уверена?

– Я умею считать.

– Готова побиться об заклад, что мы еще не всех вспомнили, – ухмыльнулась Мэри.

– Это не аллергия, – высказалась старуха, которая первой заметила появление Эйлин. – Это болезнь. И твой Томми не единственный, кто ею заразился.

– Болезнь Ханрахана, – сказала Эйлин.

– Вылечить их будет трудно, это точно, – протянула Крисси. – Посмотрите на него. Богат. Красив, как сам дьявол. Много путешествует. Каждый месяц под ручку с новой женщиной. Неудивительно, что мужчины хотят походить на него.

– Ну, им до него далеко, так что они могут с тем же успехом жениться и забыть о нем, – отрезала Эйлин. Она вдруг широко улыбнулась. – Вообразите себе Томми за рулем «мерседеса»!

Это вызвало новый взрыв смеха. Тара пожалела, что не знакома с Томми и не может понять смысла этой шутки.

– Интересно, сдадутся ли остальные, когда Брайен в конце концов женится? – проговорила Пег.

– Если он женится.

– Жаль, что мы не можем его заставить.

– Полагаю, мы могли бы устроить митинг протеста у ворот его особняка, – предложила Эйлин. – Нарисуем плакаты с требованием обязать состоятельных граждан вступать в законный брак.

Мэри принесла поднос с новой порцией пива.

– Он бы просто объехал нас стороной. – Крисси передала бокал Пег. – Нам бы найти гипнотизера, такого, какой выступал у Пэт Кенни в прошлую субботу. – Она покрутила пальцами перед лицом и произнесла низким, вибрирующим голосом: – «Когда зазвонит колокольчик, вас охватит неодолимое желание сделать предложение находящейся рядом женщине».

– И наверное, ты устроишь так, чтобы быть там и звонить в этот колокольчик?

– Нет уж, спасибо. Я уже отплясала свой круг с Брайеном, если помните, – возмутилась Крисси. – До того как он стал отдавать предпочтение городским девушкам.

– Он всегда отдавал предпочтение городским девушкам, – возразила черноволосая женщина, имени которой Тара так и не узнала. – А нас он использовал просто для разминки. Это так несправедливо! Сначала он разбил сердца половине девушек Килбули, а теперь дает парням возможность разбить сердца другой половине. Думаю, нам следует напоить его, погрузить

на корабль и отправить в Амстердам. Пускай проснется женатым на какой-нибудь противной старой голландской шлюхе. Так ему и надо!

– Распущенность. Женская распущенность, – проворчала Эйлин, копируя Рори.

– Он это заслужил.

– Это лучше, чем ждать, пока парни поумнеют.

– Правда. – Эйлин снова откинула назад волосы. – Вся эта история напоминает мне прежние времена, о которых любила вспоминать моя мама, когда мужчины ждали до сорока – пятидесяти лет, чтобы жениться, и женщинам приходилось ждать вместе с ними, засыхая словно черствый хлеб. Я думала, мы покончили со всем этим.

– Томми так долго ждать не будет! – пообещала Пег. – Я его выставлю за дверь коленкой под зад. Вместе с его грязным бельем.

– Не уверена, что приму его, если ему жена нужна только для того, чтобы стирать белье, – проворчала Эйлин.

– Мама всегда говорит: «Тоскливо стирать, если среди белья нет мужской рубашки», – вмешалась Крисси. – В любом случае это будет всего лишь толчком. В конце концов, он же тебя любит.

– Говорит, что любит.

– Вот видишь? – Крисси повернулась к матери Томми. – Почему бы тебе не сделать это, Пег? Вышвырни его из дома, и посмотрим, не появится ли у него внезапного желания жениться. – Крисси была в восторге от этой идеи, и широкая улыбка осветила ее лицо. – Может быть, нам следует устроить так, чтобы всех холостяков выставили за дверь? Попросим матерей, сестер и домохозяек, которые их кормят и обстирывают, захлопнуть перед ними двери.

– Тогда они просто станут жить где-нибудь в другом месте и отдавать свои рубашки в стирку, – вздохнула Эйлин. – И Томми, наверное, тоже.

– Ох! – Крисси нахмурилась, но потом улыбка снова озарила ее лицо. – А что, если им это не удастся?

– Что ты имеешь в виду? Удастся. Полно сдается комнат прямо здесь, в Килбули.

– Но если их никто не пустит, что тогда? – Женщины непонимающе смотрели на Крисси.

– Неужели вы не понимаете? – удивилась она. – Бойкот. – Последовало минутное молчание, потом взрыв смеха.

– Вот это идея!

– Что за мысль!

– Всех разом?

– Мы не можем.

– Почему? – удивилась Эйлин. – Возможно, Крисси в чем-то права. Дадим им от ворот поворот. Никакой стирки, никакой горячей еды, никакого домашнего уюта, никаких нежностей. Даже дружеской улыбки. Совсем ничего. Если они так не любят женщин, что даже не хотят жениться, то они нас вообще не получат.

– Ты говоришь глупости, – возразила Пег, но наморщила лоб, обдумывая эту мысль. – Как мы привлечем на свою сторону всю деревню?

– Нам пока не нужна вся деревня. Только женщины. Нет такой женщины в Килбули, которая бы отказалась нам помочь.

– Мужчины этого не потерпят. Они просто пойдут в Гленмор или в Килмихил и получат то, что им надо. Или в Эннис.

– Мы с их женщинами тоже свяжемся. У всех есть знакомые в соседних деревнях. Они нам помогут. А если они хотят ехать в Эннис – пусть. Скоро им надоест ездить так далеко за каждой мелочью.

В комнате нарастало возбуждение, от которого волосы на затылке Тары встали дыбом.

Они намерены это сделать, поняла она. В течение одной минуты этот бойкот превратился из идеи, брошенной походя, в законченный план действий. Женщины достали еще бумаги и ручек и стали подсчитывать «ресурсы».

Таре вдруг захотелось сделать репортаж об этой истории, заодно с передачей о Брайене. Бойкот незамужних девиц Килбули будет классным добавлением к истории о Ханрахане! Нет, это будет просто потрясающий репортаж! И она уже знала, под каким углом зрения подаст материал.

Тут до Тары дошло, что она совершила ужасную ошибку. Увлекшись разворачивающимися вокруг нее событиями, она перестала притворяться равнодушной и подалась вперед, к центральному столу. И теперь Пег Ахерн уставилась на нее с подозрением, и все женщины, одна за другой, повернулись к ней.

Посторонняя. Тара чувствовала это клеймо, словно оно было выжжено у нее на лбу. Ей надо стереть эту метку, и как можно скорее.

Она захлопнула свой блокнот, набрала в грудь воздуха и начала вдохновенно декламировать ирландские стихи.

Все находящиеся в комнате закивали, заулыбались – все знали эпическую поэму Брайена Мерримена, ведь он писал ее неподалеку отсюда, в Фикле.

Но они знали бы ее даже в том случае, если бы он не был из графства Клэр. Первые несколько строчек «Полуночного суда», как называлась поэма по-английски, целые поколения школьников заучивали наизусть по-ирландски. Это была легенда о мифическом суде, на котором женщины-судьи признают закоренелого холостяка виновным во всех преступлениях мужского населения Ирландии: что мужчины поздно женятся, и таким образом женщины либо остаются сексуально неудовлетворенными, либо растят незаконнорожденных детей.

– Ты права! – обрадовалась Эйлин. – Это как раз о нас. Мы – «Полуночный суд».

Тара встала и подошла к ней.

– Простите, что я подслушивала, но я не смогла удержаться. Такая у меня работа.

Эйлин окинула ее внимательным взглядом, который Тара уже видела.

– Я вас знаю?

– Нет, я…

– Вы из РТИ, правда? – спросила Крисси, имея в виду национальную компанию «Радио и телевидение Ирландии». – Вы репортер из передачи «Ирландия на этой неделе». Тара… забыла фамилию.

– Тара Брид О'Коннел.

Тара протянула руку сначала Крисси, потом Эйлин и Пег. Все три женщины пожали ее с несколько изумленным видом, а остальные охали и уверяли друг друга, что они сразу разглядели в ней что-то знакомое.

– Что привело вас в Килбули, мисс О'Коннел? – В голосе Эйлин звучала настороженность.

– Зовите меня Тара. Я делаю репортаж о Брайене Ханрахане. Мне предстоит взять у него интервью. – Не совсем правда, но, надо надеяться, скоро станет правдой. – Я как раз тихо пила пиво, как вдруг услышала про ваш бойкот. Он – самый завидный холостяк Ирландии, и вы с вашими бедами… – Она предоставила им делать собственные выводы. – Как я уже сказала, я не смогла удержаться. Извините. А теперь, если позволите…

– Не хотите присоединиться к нам?

Не дожидаясь ответа, дамы вокруг стола, хоть и сидели тесно, подвинулись, ужались и каким-то образом освободили место еще для одного тяжелого дубового стула, которыми был обставлен паб. Кто-то передал бокал Тары, и она присоединилась к женщинам. Вот то единственное преимущество, которое дает еженедельное появление на экране телевизора: люди забывают, что они тебя на самом деле совсем не знают. Не в первый раз Тара этим пользовалась.

– Позвольте принести вам свежего пива. – Мэри убрала ее недопитый бокал.

– Я бы выпила апельсинового сока, – ответила Тара.

– Значит, сок. Еще кому-нибудь налить? – Мэри выслушала заказы и отошла к бару.

Начались взаимные представления – столько имен, что даже отличная память Тары сейчас ее подвела, да и пиво не способствовало запоминанию. И не она одна поддалась его воздействию, судя по всеобщему веселью и громким голосам. Появились новые бокалы; апельсиновый сок Тары казался ярко-оранжевым на фоне темного портера с шапкой кремовой пены.

Все подняли бокалы.

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье.

– Я заметила, вы что-то записывали? – повернулась к Таре Эйлин, когда все выпили.

– Это правда. Простите меня. Я знаю, это невежливо, но помогает мне почувствовать данное место. Людей. Ритм деревни. То, что мы называем атмосферой. Я выбрасываю большую часть того, что записываю, но никогда не знаю, где найду ту единственную реплику, которая оживит мой рассказ.

– Вы ведь не собираетесь рассказывать о нашем бойкоте в новостях?

– Неплохая бы вышла передача, а? – Тара задумчиво отпила сок, словно эта мысль только сейчас пришла ей в голову. – При условии, что он сработает, разумеется.

– Сработает! – заверила Крисси.

– Значит, мы решили идти в наступление? – спросила Пег.

– Ты ведь хочешь увидеть Томми и Эйлин мужем и женой раньше, чем станешь слишком старой и не сможешь нянчить внуков, правда?

– Ты же знаешь, что хочу, – согласилась Пег.

– Тогда бойкот – единственный выход.

– Это безумие! – схватилась за голову черноволосая женщина, которую, как узнала Тара, звали Сиобейн. – Мы не можем лишить два десятка мужчин всех человеческих удобств и ожидать, что они нам позволят это сделать.

– Почему? – удивилась Крисси. – Если мы все сделаем правильно, они сначала и не заметят. А к тому времени, как заметят, мы их уже одолеем.

– И какой же способ правильный, мисс Всезнайка? – ехидно прищурилась Сиобейн.

– Помните, несколько недель назад Луиза рассказывала нам, как дрессировать собаку? Она сказала: им надо говорить, что вы от них хотите, и давать лакомство, когда они это делают. И больше ни на что не обращать внимания.

– Это не совсем так, – заметила Луиза, сидящая напротив Тары, довольно некрасивая женщина, но с глазами, похожими на ягоды терна. – Иногда приходится дергать за поводок.

– Правильно, – согласилась Крисси. – Теперь послушайте. Каждая, у кого есть мужчина, не желающий жениться, должна сказать ему, чего она хочет. Эйлин, ты уже сегодня это сделала. И если он не согласится, не обращайте на него внимания. Не давайте ему лакомства, если можно так выразиться. Потом мы, остальные, слегка дернем за поводок – и он не получит от нас ни помощи, ни утешения.

Женщины задумались над ее словами.

– Знаете, это может сработать для мужчин, у которых есть постоянные подружки, – задумчиво посмотрела на них Мэри. – Но как насчет тех, кто не встречается ни с кем конкретно? Таких, как Рори?

– Включить их в общий список просто на всякий случай, – предложила Крисси. – Может быть, на них тоже подействует, если они попадут в отчаянное положение.

Мэри фыркнула.

– Чтобы Рори впал в отчаяние, достаточно не давать ему есть.

По комнате пронесся смех. Тара тоже улыбнулась. Она обратила внимание на квадратную фигуру Рори. Он наверняка любил поесть.

– Есть предложение, – сказала Сиобейн. – Что, если мы все сосредоточимся на том, что важно для каждого из них?

– Ты имеешь в виду, что Рори любит поесть, а Томми любит носить определенную одежду и так далее? – уточнила Пег.

Сиобейн кивнула.

– Возможно, они не так быстро заметят, что мы затеяли, если применить к ним разные методы.

– Не знаю. – Крисси бросила взгляд на Эйлин. – Как ты думаешь?

Эйлин обдумывала предложение.

– Думаю, это может оказаться хорошим началом. Если потом мы сделаем их жизнь достаточно неудобной.

– Именно это и нужно! – хлопнула рукой по столу Крисси. – Причинить им неудобства! Они должны понять, что ошибаются, когда представляют холостую жизнь намного хуже семейной. – Она заморгала. – Я правильно выразилась?

Сиобейн похлопала ее по плечу.

– Не знаю, но мы тебя поняли.

– Итак, мы все будем участвовать? – спросила Эйлин.

– Я – да, – отозвалась Мэри. – Я поселила у себя Рори потому, что меня попросила кузина, а он застрял тут на шесть лет. Я буду участвовать во всем, что поможет мне избавиться от него.

– И я участвую – ради Томми, – сказала Пег.

Одна за другой женщины дали согласие, а потом принятое решение скрепили еще одним тостом.

– За холостяков Килбули! За то, чтобы они все поскорее женились.

– Кстати, я вспомнила! – встрепенулась Мэри. – Кто-нибудь из вас слышал о богатом старом холостяке, который присел рядом с хорошенькой девушкой и предложил ей виски с содовой? Она была оскорблена, но ей удалось проглотить это оскорбление.

Снова посыпались шуточки. Тара тоже смогла внести достойный вклад из запаса репортерских баек, и прошло добрых полчаса, прежде чем они вернулись к проблеме своих холостяков.

Первым делом следовало определить, что каждый из них считает важным. Поскольку подружки или матери большинства попавших в список холостяков находились в пабе, , это не отняло много времени. Женщины поздравляли друг друга с тем, как здорово они придумали этот бойкот, но тут заговорила Эйлин:

– Мы кое о чем забыли. Есть одно дерево, которое следует срубить, если мы хотим повалить весь лес. Брайен Ханрахан.

На мгновение воцарилась тишина, потом все грустно закивали.

– Но как нам это сделать? – спросила Крисси. – Он не привязан к деревне, как остальные. Что бы мы с ними ни делали, он даже не заметит. А если и заметит, то просто будет больше времени проводить в Дублине. У этого человека денег достаточно, чтобы купить все, что он пожелает, если вы понимаете, о чем я говорю.

– Ничего подобного! – возразила Пег. – Мы все судачим о том, что Брайен богат, но забываем, что большая часть его денег ему не принадлежит. Пока. За исключением его жалованья и небольшой суммы от его матери. И деньги, и имущество все еще принадлежат старой Эйлис. Вообразите, как он пострадает, если она лишит его поддержки.

– Ас чего бы ей это делать?

Пег лукаво улыбнулась, как человек, который знает какую-то тайну, и жестом поманила сидящих у стола наклониться к ней. Тара тоже подалась вперед, утверждая свое право на членство в этой компании.

– Я хожу к ней в дом, ну, вы знаете, чтобы кое-что подштопать или ушить платья, ну и так далее. Я вам скажу: она с каждым разом все больше усыхает, просто тает на глазах. По-моему, она скоро совсем растает, как облачко дыма на утреннем ветерке.

– Переходи к делу, Пег, – поторопила ее Крисси. Пег с упреком взглянула на нее.

– Мы с ней болтаем, пока я работаю. Ей немного одиноко сидеть в этом большом доме, а Брайен очень часто уезжает по делам. Во всяком случае, она все время повторяет, как ей хочется увидеть Брайена женатым и отцом своих детишек. Она уже почти отчаялась дождаться этого. Думаю, если мы ее попросим, она к нам присоединится. И тогда он попался!

Тара чуть не застонала: что за идеальный сюжет!

– Вы действительно собираетесь устроить бойкот Брайену Ханрахану?

– У нас нет выбора, – вздохнула Эйлин. – Это он и его повадки плейбоя внушают другим парням такие же идеи. Если Эйлис поможет…

– Ох, леди, мне так хочется сделать об этом репортаж! – Тара подняла взгляд на побеленный потолок, захваченная развертывающейся перед ее мысленным взором картиной. – Только представьте себе. Вступительная часть, где вы объясняете, почему все это затеяли, со вставками снимков из архива Брайена и тех женщин, с которыми его видели в последние годы. Съемка скрытой камерой его и других мужчин, как вы их выставляете, а они не понимают за что. Напряжение нарастает. Окончательная капитуляция. Свадьбы.

– Вы ведь не покажете его, пока дело не дойдет до свадеб? – спросила Крисси. – Без них эта история не будет полной.

– Она ее вообще не покажет, – заявила Эйлин.

– А почему бы и нет? Чем она может навредить, если мужчины увидят передачу лишь после того, как некоторые из них женятся? Ты сама сказала, что Брайен – это ключ. Когда он женится, у остальных не будет оправданий.

– Сейчас у них уже стало привычкой – не жениться. Нам придется воевать с ними, пока они все не сдадутся. Ты и сама так говорила.

– Она права, – поддержала Тара. – Вам не следует бросать это дело до того, как вы победите. Мужчину, который отказывается жениться, не стоит иметь в доме. В прошлом году я сама выставила одного такого. Он держал меня на привязи больше трех лет, клялся в вечной любви, но цеплялся за свою свободу. Ну, теперь он ее получил. И пусть подавится.

– Видите? – обрадовалась Крисси. – Она понимает.

– Понимаю, еще как! Но кроме всего прочего, это действительно замечательный сюжет. – Тара побарабанила пальцами по столу. – Я могу придерживать репортаж до окончания бойкота. Мне надо лишь сказать продюсеру, что я пока не закончила, потому что действие еще развивается.

– Это может продлиться несколько месяцев, – покачала головой Эйлин. – Томми – парень упрямый.

– У меня хватает терпения, – улыбнулась Тара. – Если нужно, я даже могу регулярно приезжать сюда, ну, скажем, каждые две-три недели. Нередко на съемки одного репортажа уходит год и даже больше.

– Как бы долго вы ни выжидали, все равно мужчины захотят поставить нас к стенке, когда увидят себя выставленными на посмешище на телевидении. Мне-то наплевать. Они достаточно долго нас дурачили.

– Наплевать ли? – усомнилась Сиобейн. – Ты ведь станешь женой одного из тех, над кем будут смеяться. И другие тоже.

– Но ради этого все и затевается, разве нет? – встряла Пег. – Они выйдут за этих мужчин замуж.

– И я уверена, мы найдем способ помочь им это пережить, – ухмыльнулась Эйлин, и глаза ее заблестели.

Женщины захихикали над этим двусмысленным замечанием, что дало повод для очередного обмена шуточками, на этот раз более рискованными – возможно, благодаря щедро разливающей пиво руке Мэри.

В пабе становилось все жарче, кажется, народу в нем еще прибавилось. По-видимому, среди женщин деревни уже разнесся слух о предстоящем бойкоте. Испытывая жажду, Тара сделала большой глоток из своего бокала и обнаружила, что ее апельсиновый сок каким-то образом снова превратился в портер. Ну все равно, он тоже мокрый. Она сделала еще глоток и присоединилась к всеобщему веселью.

Но тут Сиобейн все испортила.

– Меня не так волнует то, что мужчины будут выглядеть дураками. Гораздо хуже, что мы будем выглядеть сучками.

Все опять подозрительно уставились на Тару.

– Я никогда бы так с вами не поступила, – поклялась она.

– Это вы сейчас так говорите, – процедила Эйлин. – Но что произойдет, когда вы вернетесь в Дублин?

– Я дам вам сначала просмотреть пленку, – услышала Тара свой голос. Она нарушала этим все принятые правила новостных программ. Репортер не должен позволять герою своего репортажа решать, показывать его или нет. Тем не менее, когда она увидела сомнение в глазах Эйлин, она продолжила: – Я сама отредактирую этот репортаж, и мы устроим просмотр перед тем, как я отдам его моему начальству. Если он вам не понравится, просто сожгите пленку.

– Вы это сделаете? Правда?

– Правда. – Она подняла ладонь, словно приносила присягу в суде. И она не лгала – во всяком случае, в том, что касается репортажа. У нее еще останется весь отснятый материал по Брайену. И возможно, ей удастся выловить еще кое-какие сведения, пока она будет этим заниматься. – Я попрошу, чтобы мне дали женщину-оператора, и она будет на вашей стороне. Что скажете?

Женщины переглянулись. Одна за другой она начали кивать, пока не подошла очередь Эйлин. Та колебалась.

Тара выложила свой последний аргумент, который всегда срабатывал в отдаленных деревнях.

– Эта передача принесет Килбули известность. Может, даже развернется туристический бизнес. Людям наверняка захочется посетить место, где проводился бойкот против холостяков.

– Это бы нам пригодилось, – задумчиво произнесла Мэри. – Святым угодникам известно, что у нашей деревни не так много других доходов.

Раздался шепот одобрения.

– Так мы согласны?

– Да!

– Да!

Возгласы, выражающие согласие, обошли комнату по кругу и, наконец, вернулись к центральному столу. Крисси взглянула на Сиобейн.

– Ну хорошо, – смирилась Сиобейн. – Если только нам сначала дадут посмотреть пленку.

– Что ж, тебе решать, Эйлин.

Эйлин посмотрела на подруг, на мгновение прикрыла глаза и кивнула.

– Если нам дадут посмотреть пленку!

– Значит, единогласно, – подвела итог Крисси. – Мы даем согласие на репортаж, Тара.

– А я даю вам свое слово. – Тара с победным видом подняла бокал. – За «Полуночный суд»!

– За «Полуночный суд»!

Ей понадобилось все ее красноречие, чтобы убедить продюсера прислать оператора для съемок безымянного сюжета; она не собиралась рассказывать ему о бойкоте, чтобы не пробудить его сочувствие к мужским персонажам. Однако Тара была настойчива и к тому же слегка под мухой, поэтому, несмотря на то что уже перевалило за полночь, когда она разбудила крепко спавшего Оливера, ей удалось его убедить. Оператор с видеокамерой прибудет в Килбули утром.

Она легла спать в прекрасном настроении.

Пока она спала, дождь прекратился, и на следующий день рассвет был теплым и туманным. Тара лежала в постели до начала девятого – настоящий подарок для женщины, регулярно встающей в пять утра, – а потом неспешно позавтракала в ресторане гостиницы.

Она как раз клала сахар во вторую чашку чая, когда в дверь заглянул какой-то мальчик.

– Ма послала меня сказать, что один джентльмен ждет вас в холле, мисс.

– Спасибо.

Джентльмен? Это не сулило ничего хорошего. Нахмурившись, Тара оставила свой чай и последовала за ним в вестибюль.

– Посмотрите-ка на нее! – произнес у нее за спиной знакомый голос.

Тара обернулась и увидела оператора Финна Келлехера, развалившегося в кресле с подголовником. Под глазами у него залегли темные круги, а длинные пряди каштановых волос выбивались из косички, которую он всегда носил.

Он оглядел Тару с головы до ног, словно огорченный старший брат.

– Отдохнувшая и хорошо накормленная, а я провел за рулем всю ночь и не проглотил ни крошки, кроме пакета чипсов и двух банок кока-колы. Только не говори мне, что ты вчера ночью набралась, прежде чем позвонить старику.

– Я и двух бокалов не выпила. – Ну, положим, три, но это ведь были бокалы, а не пинтовые кружки! – Не хочу тебя обидеть, но что ты здесь делаешь? Я попросила Оливера прислать на этот раз Мэв.

– Она вчера вечером попала в больницу с отравлением. Совершенно расклеилась.

– Дерьмо!

– И этого ей тоже хватает.

– Вижу, ночная езда не облагородила твое чувство юмора.

– Вас к телефону, мисс О'Коннел. – Управляющая протянула ей трубку. – Это Эйлин Макенрайт.

– Спасибо. – Тара повернулась к Финну. – Сходи позавтракай, пока я поговорю.

Она попросила переключить звонок на внутренний телефон в угловой нише, подождала, когда пара коммивояжеров покинет вестибюль, и только потам взяла трубку.

– Эйлин? Привет.

– Слышала, что ваш фургон прибыл, – сказала Эйлин. Никакой телеграф на планете не сравнится в скорости с женским телеграфом, подумала Тара.

– Я как раз здоровалась с моим оператором. показалось, вы собирались вызвать женщину? – Она заболела. Но Финн – хороший человек. Когда я ему все объясню, он будет нем как рыба.

– Вы уверены?

– Готова поручиться собственной жизнью. Я работаю с Финном уже много лет, и он хранил все секреты, которые ему доверяли. Я точно знаю, что в прошлом году к нему в руки попал номер домашнего телефона Салмана Рушди, но мне так и не удалось выудить из него этот номер.

На линии воцарилось долгая шипящая тишина. Тара ждала одобрения Эйлин. Пусть в бойкоте принимала участие вся деревня, но в действительности это был бойкот Эйлин, и все это знали. Если она передумает насчет Тары, все пропало.

К счастью, она не передумала.

– Ладно. Пег звонила сегодня утром в поместье. Эйлис примет нас сразу после ленча.

– Она знает, о чем пойдет речь?

– Пег лишь сказала, что это имеет отношение к Брайену. Если она согласится, мы расскажем ей о вас и о вашем операторе и спросим, согласна ли она с вами побеседовать.

Это было неожиданностью.

– Спасибо.

– Не за что. Я имела в виду только разговор. Вам придется самой просить ее разрешить съемку. Я вас недостаточно хорошо знаю, чтобы рекомендовать. – Эйлин помолчала. – Но Эйлис – чудная старуха. Вы можете добиться от нее больше, чем я предполагаю.

– В любом случае спасибо, Эйлин. Вы не пожалеете.

– Поживем – увидим.

Тара вздохнула, когда в трубке раздались короткие гудки. Похоже, Эйлин не питает почтения к знаменитостям. Что ж, Таре это даже нравилось.

Оказалось, на кухне решили – и правильно, – что у Финна отличный аппетит, и соорудили ему завтрак, вдвое превосходящий размерами все, что Тара видела до сих пор. Финн с удивительной скоростью поглощал еду и не остановился, когда Тара подсела к нему.

– Итак, – произнес он, запивая кусок кровяной колбасы чаем с молоком. – Что тут у тебя за таинственный репортаж?

Тара огляделась по сторонам. Двое фермеров, обсуждавших стоимость новой коровы за жареным беконом, уже ушли, предоставив столовую Таре, Финну и сыну управляющей, убирающему со столов посуду. Когда парень вышел с подносом в заднюю комнату, Тара взяла с оператора обещание сохранить тайну и вкратце рассказала ему историю с бойкотом.

– Поэтому ты хотела, чтобы приехала Мэв, да? – спросил Финн, когда она закончила. – Ты думала, что раз она женщина, то согласится участвовать в этом?

– Вообще-то да. А теперь, когда мне прислали тебя, надеюсь, что ты тоже согласишься.

– Это не имеет отношения к тому, что старина Джозеф не предложил тебе обручального кольца, а?

Услышав имя бывшего возлюбленного, Тара почувствовала себя так, словно получила удар под ложечку.

– Нет. Конечно, нет.

– Конечно, нет, – с сомнением повторил Финн. – Бедные деревенские парни! Кто-то должен за них вступиться. У них нет ни малейшего шанса, если ты будешь науськивать этих дам.

– Я их не науськиваю, – обиделась Тара. – И ты не будешь за них вступаться, если хочешь сохранить эту свою косичку.

– А! – Он отмахнулся от ее угрозы словно от комара. – Это работа, женщина! Ты же знаешь, я никогда не болтаю лишнего, если речь идет о работе. Первая заповедь новостных репортеров: не принимай участия в сюжете! Тебе бы тоже не мешало о ней помнить.

– Я помню. Хочу, чтобы ты еще раз дал мне слово теперь, когда знаешь, о чем тебе не следует распространяться. – Она протянула руку, и Финн пожал ее своей обветренной крепкой ладонью.

– Даю слово. А теперь что, капитан?

– Пойдем в твой номер.

Лицо Финна расплылось в улыбке.

– Пара часов сна – это звучит божественно.

– Может быть, тебе больше пары часов и не придется спать. Дамы после ленча отправляются с визитом к бабушке Брайена Ханрахана. – Она объяснила, как Эйлис вписывается в планы женщин. – Возможно, нам надо будет поехать и побеседовать с ней позже.

– Брайен – один из мужчин, против которых устроили бойкот? – уточнил Финн и разразился хохотом.

– Тихо! – Тара быстро оглянулась, чтобы удостовериться, что никто их не слышит.

– Теперь я уверен, что ты тоже приложила к этому руку.

– Клянусь, нет! Эти женщины сами все придумали. Я просто случайно оказалась там.

– Очень удобно, – ухмыльнулся Финн. – Возможно, Оливер не знает, что ты затеяла во время своего отпуска, но ему не довелось слышать, как ты ругалась, когда мы ехали, мимо одного из заводов Ханрахана. А я слышал.

– Я хочу честно рассказать о Брайене. Только и всего. – Финн бросил салфетку рядом с тарелкой и встал, глядя на нее с высоты своего роста.

– Повторяй себе это почаще, Тара Брид, а я пошел спать.

Глава 2

Пока Финн спал, а Эйлин и Пег излагали свое дело Эйлис Ханрахан, Тара отправилась побродить по деревне, чтобы ощутить местную атмосферу. Она всегда отправлялась на прогулку, когда приезжала по делам на новое место, но вчера ей не позволили это сделать сильный дождь и позднее время. Теперь она воспользовалась мягкой погодой и бродила сколько душе угодно.

После завтрака туман почти рассеялся, и у ее ног и по стенам домов даже бежала легкая тень. Там и сям яркие пятна распускающихся цветов обрамляли окна или палисадник у обочины. В постоянно присутствующем аромате горящего торфа она улавливала запах дрока, молодой травы и – иногда – скотного двора.

На сегодняшний день Тара удовольствовалась разглядыванием витрин. Мелкие лавочники Килбули торговали обычным для деревни набором вещей первой необходимости: бакалея и писчебумажные товары, цветы и похоронные принадлежности. Рядом располагалась мастерская по ремонту велосипедов и Интернет-провайдер.

Интернет явился для нее полной неожиданностью, хотя в принципе и не должен был. Эннис, главный город графства Клэр, находящийся менее чем в двадцати милях отсюда, был официально объявлен «Городом Века Информации Всей Ирландии». Для этого прокладывались кабели, распространялись электронные кредитные карточки и приобретались компьютеры с целью подключить всех граждан к сети.

Но Килбули? Тара покачала головой. Воистину техника проникла повсюду, и это само по себе уже было хорошим сюжетом. Мысленно взяв эту идею на заметку, она заглянула в окно и увидела молодого человека, усердно печатающего на клавиатуре, на фоне семейства Крэнберри, зарывающего в землю топор войны. Он поднял на нее отсутствующий взгляд человека, затерянного в киберпространстве, а потом снова уставился в компьютер, даже не заметив ее.

– Вот холостяк, которого невозможно поймать, разве что перерезать силовой кабель, – пробормотала она.

– Мяу.

Тара посмотрела вниз. Огромный рыжий полосатый кот появился ниоткуда и уселся на крыльце, глядя на нее.

– Мяу.

– Рада, что ты согласен, – улыбнулась Тара.

Во взгляде зеленых глаз кота было нечто, внушающее тревогу, – они были слишком понимающими. Она повернулась и зашагала прочь.

Ближе к окраине города, перед опрятным, современного вида домиком, она заметила плакат: «Маргарет Ахерн, портниха». Так вот где живет Пег.

Неудивительно, что этой женщине нужна комната сына для ее шитья. Домик был едва ли крупнее самого крохотного коттеджа. Наверное, она работает за кухонным столом. Если они переехали из старого дома сюда, удивилась Тара, то каким же маленьким был прежний? Возможно, поэтому Томми не хотел жениться на Эйлин и переезжать в него.

Кот шел за ней следом по дороге, перепрыгивая через высокую траву, которая росла вдоль живых изгородей и каменных стен. Радуясь его компании, Тара время от времени обращалась к нему и иногда получала в ответ «мяу».

Они уже почти подошли к высокой рябине, стоящей в углу игровой площадки во дворе начальной школы, когда вдруг за их спинами послышался шум приближающегося автомобиля. Тара обернулась и увидела голубой «мини», едущий в ее сторону. Она шагнула на обочину и стала ждать, когда он проедет, а кот терся о ее ноги.

Но машина не проехала мимо. Она со скрежетом и пыхтением остановилась, обдав ее дымом, и Эйлин опустила стекло со стороны сиденья водителя.

– Вижу, вы познакомились с Джеком! – крикнула Эйлин, перекрывая грохот мотора, который тарахтел, как консервная банка.

Тара подняла брови.

– С кем?

– С Джеком. – Эйлин указала на кота. – Это деревенский бездельник.

– Чей он?

– Нэн Лори утверждает, что ее, но, по правде говоря, Джек сам себе хозяин. Очень независимый парень. И к тому же прекрасно ловит мышей – когда захочет, конечно.

Пег нагнулась и посмотрела на Тару.

– Эйлис хочет вас видеть, обоих, вместе с оператором. Прямо сейчас.

– Черт, Финн спит. Мне придется…

– Мы высадили Крисси у гостиницы, – сказала Эйлин. – Она уже позаботилась, чтобы его разбудили. Мне велено подбросить вас туда.

Пег открыла дверцу и вышла из машины прежде, чем Тара успела ответить.

– Так что поехали. Вы не возражаете против заднего сиденья? Мои коленки сгибаются гораздо хуже, чем локти.

– Не возражаю. Извини, Джек, тебе придется самому возвращаться домой.

Тара забралась в машину, Эйлин развернулась, и они с грохотом покатили вниз по дороге.

Через четверть часа они с Финном, успевшим только принять душ, выехали из деревни в редакционном фургоне.

Брэмбл-Корт, поместье семейства Ханраханов, раскинулся на невысоком холме к северо-востоку от Килбули. Холм не был самым высоким в округе, но наверняка самым красивым – он порос лесом, и с него можно было увидеть деревню и окружающую местность. В хорошую погоду – Тара была уверена в этом – с верхнего этажа дома можно было разглядеть вдалеке синюю полоску моря.

Большой серый каменный дом был выстроен в стиле особняков старой англо-ирландской аристократии, правившей этой страной и грабившей ее на протяжении многих веков. Тара хорошо подготовилась и знала, что Мик Ханрахан, дед Бранена и основатель династии, купил полуразрушенное здание у английских наследников прежних владельцев в начале сороковых годов, как только скопил достаточно денег, чтобы иметь возможность его приобрести. С реставрацией и модернизацией пришлось ждать до тех времен, когда отец Брайена добился еще больших успехов в конце шестидесятых. Семейство окончательно перебралось на холм только в тот год, когда Брайен пошел в школу, что частично объясняло, почему деревня все еще считала его своим парнем.

Странно было не то, что семейство купило это большое поместье – некоторые разбогатевшие семьи поступили так же в первые десятилетия создания республики, – но то, что оно продолжало в нем жить постоянно. Ведь дом в Лимерике, Голуэйе или в Дублине гораздо больше бы их устроил. Даже Брайен был привязан к этому месту. Пусть у него была роскошная квартира в Дублине и постоянные номера в прекрасных отелях по всей Европе, но Брэмбл-Корт оставался его домом, и он возвращался туда всякий раз, как только ему позволяли дела.

Тара и Финн подъехали по широкой, усыпанной гравием подъездной аллее для карет к крыльцу особняка и вышли из фургона. Финн сделал последнюю затяжку, бросил сигарету и растоптал окурок каблуком.

Дворецкий в черном костюме открыл дверь и поздоровался с ними таким хриплым и низким басом, что по спине у Тары пробежали мурашки, несмотря на его дружелюбное лицо. Он взял у них куртки и проводил в помещение, которое назвал оранжереей. Это была комната с высокими окнами и тепличными растениями. В одном ее конце на стуле с высокой спин-

кой сидела крохотная женщина с совершенно седыми волосами и глазами такого ярко-синего цвета, что Тара невольно вспомнила перья павлиньего хвоста. Перед ней стоял поднос, полностью сервированный для чая.

Она знаком подозвала гостей.

– Я как раз пила чай. Садитесь, садитесь, пока вода не остыла. Мы представимся друг другу как положено, а я буду разливать чай. Вы садитесь сюда, мисс, здесь я вас лучше буду ощущать. – Она похлопала по кушетке слева от себя, потом посмотрела на Финна: – А вы, сэр, садитесь рядом с ней.

Она явно привыкла к тому, что ее слушаются, и Тара не собиралась становиться исключением. Она села туда, куда ей приказали.

Несмотря на свои девяносто лет или даже больше, миссис Ханрахан разлила чай твердой рукой и передала им чашки. Тара представила ей Финна и назвала свое имя. Миссис Ханрахан улыбнулась, когда Финн взял хрупкую фарфоровую чашку с блюдцем в свои громадные клешни.

– Мне следовало приготовить для вас большую чашку, мистер Келлехер, но Линч заверил меня, что именно этот сервиз подобает подать людям с телевидения. Насколько я поняла Эйлин Макенрайт, вам следовало быть женщиной.

– Жаль вас разочаровывать. – Финн улыбнулся ей своей обаятельной улыбкой. – Но я могу надеть юбку, если хотите.

Тара толкнула его ногой, но миссис Ханрахан весело рассмеялась.

– Это было бы то еще зрелище! Не мерещится ли мне акцент графства Мейо в вашем произношении?

– Я из Суинфорда, – сообщил Финн.

– А, так я и думала. Мой отец родился в Каслбаре.

– Совсем рядом, – произнес Финн таким тоном, который подразумевал, что, возможно, его семейство было знакомо с ее семьей, пусть даже с тех пор сменилось несколько поколений. – А Тара – девушка из Керри.

– По выговору не похоже, – усомнилась миссис Ханрахан.

– Мой режиссер заставил меня брать уроки, чтобы я избавилась от акцента, и лишь после этого выпустил меня в эфир, – объяснила Тара. – Он сказал, что с таким акцентом меня не поймет никто к востоку от Килларни.

– Значит, вы из глубинки? – спросила миссис Ханрахан по-ирландски.

– Из Баррадуфа. – Тара легко перешла на родной язык. – Но моя мать родом из Вентри, и она говорила дома по-ирландски, так что у нас у всех такой акцент.

Эйлис кивнула, и Тара расслабилась. Все оказалось довольно просто. Как правило, пожилые люди, узнав, откуда она родом, начинали испытывать к ней доверие. Пускай район, где говорят по-ирландски, был старым и заброшенным, но в нем сохранилась магия, последние следы древней Ирландии. Любой человек, имеющий с ним связь, оказывался хранителем этой магии. По крайней мере это свидетельствовало, что ты не какой-нибудь прохвост из Дублина, вознамерившийся отнять у деревенского люда принадлежащую ему землю или выставить его на посмешище.

Они уничтожили целый чайник чаю и полное блюдо затейливых пирожных и печенья, и лишь после этого миссис Ханрахан сочла приличным начать деловой разговор.

– Итак, – она отставила в сторону свою чашку, – вы собираетесь сделать передачу о моем внуке. Разве до сих пор их было недостаточно?

– Очевидно, нет, – ответила Тара. – Мой продюсер хочет сделать еще одну. – Финн фыркнул, и Тара снова толкнула его ногой. – А потом я узнала о бойкоте и поняла, что из этого может выйти чудесный сюжет.

– И чего же вы хотите от меня?

– Чтобы вы перед камерой рассказали о детстве Брайена, каким образом он добился такого успеха, что вы думаете о его компании, ну и всякое такое. Потом мне бы хотелось, чтобы вы объяснили, почему согласились помочь женщинам в их бойкоте.

– А кто вам сказал, что я согласилась?

Этот ответ застал Тару врасплох, но Финн возразил:

– А зачем тогда вы теряете с нами время?

– Все-таки развлечение, – усмехнулась миссис Ханрахан. – В последнее время в этом доме бывает слишком мало новых людей.

– Вы когда-нибудь давали телеинтервью? – спросила Тара.

– Думаю, вам известно, что не давала, если вы как следует подготовились. Я была женой Мика, потом матерью Томаса, а теперь я бабушка Брайена. До сих пор ни у кого не возникало желания поговорить со мной о чем-нибудь.

– Ну а у меня возникло.

– Не сомневаюсь. – Миссис Ханрахан кивнула и отпила чая. – Но я не уверена, что хочу говорить с вами, особенно насчет бойкота. Он поставит мужчин в неловкое положение. Брайен плохо относится к неловким положениям. Он всегда был таким.

– Я не стану делать вид, будто зрители не сочтут ситуацию забавной, – ответила Тара. – В конце концов, это ведь просто смешно: все женщины деревни решили заставить своих холостяков жениться на одиноких девушках. Но я могу рассказать ее, никого не высмеивая. И я не позволю выпустить передачу в эфир, пока бойкот не закончится – сработает он или нет. Надеюсь, мужчины отнесутся к этой истории с юмором, когда все останется позади.

– Все это прекрасно, но какие у меня гарантии, что вы не передумаете, когда вернетесь в Дублин?

– Только мое слово, но я даю вам то же обещание, какое дала другим женщинам вчера вечером. – Тара не решилась даже бросить взгляд в сторону Финна, когда повторила свое заявление о предварительном просмотре окончательного варианта репортажа с правом отказаться от его показа. Он сидел очень тихо на своем конце кушетки.

Миссис Ханрахан прищурилась и оценивающим взглядом окинула Тару.

– Вы действительно хотите снять эту историю, я правильно вас поняла, леди?

– Хочу. Обе эти истории.

– Эйлин сказала, что вы остановились в гостинице.

– Да, мадам.

– Я позвоню вам туда, когда приму решение.

На этом беседа закончилась. Тара и Финн попрощались и забрали свои куртки у дворецкого, который стоял у двери, словно знал, когда они будут покидать дом. Они вышли и попали под единственный сверкающий луч солнца, который пробился сквозь сплошные облака.

– Что, черт побери, происходит? – сердито спросил Финн, когда они оказались внутри фургона. – Ты не можешь предоставить любой женщине в деревне возможность зарезать твой репортаж, если ей не понравится, как она выглядит перед камерой!

– Это твоя работа – сделать так, чтобы ей понравилось, правда? Не было бы вообще никакого репортажа, если бы я не дала им слово, что они первыми его увидят. Это их мужчины. Их сыновья и двоюродные братья, племянники и друзья. Возможно, им и хочется пропустить их сквозь адское пламя, чтобы заставить жениться, но они не позволят чужакам выставить их на посмешище перед всем миром. А их увидит весь мир, Финн. Все новостные агентства подхватят этот сюжет – от Си-эн-эн до Би-би-си и Рейтер.

– Если репортаж вообще когда-нибудь выйдет в эфир. Не могу поверить, что ты так подставилась только для того, чтобы взять верх над Брайеном Ханраханом.

– История с бойкотом не имеет никакого отношения к моей передаче о Брайене.

– Ты и правда убедила себя в этом? – Финн вставил ключ в зажигание. – Когда Оливер узнает, он снимет с тебя скальп и повесит твои красивые рыжие волосы себе на пояс.

– Значит, мы не позволим ему узнать, правда?

– Ах!

И после этого выразительного комментария они с грохотом помчались по улице.

Брайен не привык, чтобы его приятельницы отменяли свидание, но в этот вечер именно так и случилось.

Фиона, его нынешняя подруга, позвонила сразу после шести часов и виновато объявила, что к ней неожиданно приехали гости, но поклялась с ним встретиться, как только они уедут. Ему не хотелось идти в театр одному. Он и согласился-то пойти на эту чертову пьесу только потому, что его кузина играла в ней небольшую роль. Он с нетерпением будет ждать встречи с Фионой, а пока он отдал билеты своей экономке и ее мужу. Сейчас в первом ряду партера театра «Эбби» сидела крупная женщина в практичном, но абсолютно некрасивом черном платье рядом с не менее крупным джентльменом в поношенном синем костюме.

Пользуясь свободным временем, Брайен некоторое время уделил проекту Данлоу, просмотрел строительные чертежи и сметы, сделал массу замечаний и пометок, а потом до него дошло, что стереосистема в третий раз запустила компакт-диск с начала.

Он встал, потянулся, пошевелил затекшими плечами и подошел к стерео, чтобы сменить диск. После этого Брайен отправился на кухню, чтобы перекусить остатками жареного барашка, но пронзительный звонок телефона остановил его на полпути, и ему пришлось вернуться в кабинет. Он поднял трубку на четвертом звонке.

– Мистер Ханрахан? Это Линч.

Будто он мог не узнать эти медовые интонации! – Брайен улыбнулся.

– Да, Линч. В чем дело?

– Ваша бабушка, сэр. Она слегла и послала меня позвонить вам и попросить приехать домой.

– Бабушка больна?

– Очевидно, сэр, хотя она не разрешила мне вызвать доктора.

– У нее температура? – спросил Брайен, уже мысленно перебирая дела, которые надо привести в порядок, до того как он улизнет из Дублина. Он обошел вокруг письменного стола и вытащил из сумки свой ежедневник.

– Она меня и близко не подпускает с градусником. Вы же знаете, какая она, сэр.

– Знаю. Ты действительно считаешь, что мне надо приехать? Возможно, это всего лишь недомогание?

– Возможно, сэр, но она очень настаивает, чтобы вы приехали немедленно. И если можно так выразиться, сэр, я озабочен. Она выглядит… задумчивой, если вы меня понимаете, сэр.

– Гм-м. – Это Брайену не понравилось. Он открыл ежедневник и быстро перелистал страницы. – Хорошо. Не вижу в своем расписании ничего такого, что не могло бы подождать. Скажи бабушке, что я буду у нее утром.

– Хорошо, сэр, и спасибо вам. Я уверен, миссис Ханрахан станет спокойнее, когда узнает, что вы уже выехали.

– Надеюсь, Линч. Если ее здоровье ухудшится, вызови «Скорую помощь», и пусть ее везут прямо в больницу, хочет она того или нет.

– Хорошо, сэр, я так и сделаю. А вы будьте осторожны в пути, сэр.

– Спасибо, Линч.

Брайен повесил трубку, тут же снова снял ее и набрал домашний номер своей секретарши.

Пятнадцать минут спустя он побросал в сумку кое-какие вещи, вылил остатки чая из чайника в термос, прихватил переносной компьютер и вышел из дома.

– Спасибо, Линч. – Миссис Ханрахан улыбнулась дворецкому. – Похоже, все прошло удачно.

– Да, мистер Ханрахан уже выезжает, – подтвердил Линч.

– Что именно он сказал?

– Что мне следует вызвать «Скорую», если вам станет хуже, – улыбнулся дворецкий. Он стряхнул пушинку с портьеры, которая висела позади бывшего стола Мика, и аккуратно расправил складки. – Он очень беспокоится о вас, мадам.

– Отлично. Так и должно быть. Мне девяносто три года, и я могла бы уйти в любую минуту, если бы решила это сделать.

– Надеюсь, этого не произойдет, мадам. Тем не менее меня беспокоит реакция мистера Ханрахана, когда он обнаружит, что вы в добром здравии и что мне об этом известно.

– Конечно, он разбушуется, но ничего, переживет. – Эйлис потянулась за чашкой, стоящей на столике рядом с ее креслом. На этот раз чай был налит в более практичную фаянсовую кружку, а не в тонкий, прозрачный фарфор, который подавали гостям. Она отпила из кружки, и легкая улыбка приподняла уголки ее губ. – Кстати, я подумала: а не навестить ли тебе сестру, ну ту, что живет в Уиклоу? Лучше бы тебе находиться подальше от моего внука. На всякий случай.

– Благодарю вас, мадам. Я уеду на рассвете. Будут еще какие-нибудь указания, перед тем как я лягу спать?

– Нет, Линч. Думаю, ты сегодня вечером сделал больше, чем тебе положено. Спокойной ночи.

Дворецкий поклонился и вышел из комнаты, унося поднос с остатками чая.

Эйлис осталась сидеть в своем кресле, окруженная книгами, и думала о внуке. Он разбушуется, это точно, и не только из-за состояния ее здоровья.

Ну и пусть. Она не собирается упустить этот случай, она хочет, чтобы у нее были правнуки. Кстати, ей следует позвонить этой мисс О’Коннел и сказать, что можно начинать съемки.

Глава 3

Миссис Ханрахан позвонила в среду вечером слишком поздно, чтобы можно было что-то предпринять, но на следующее утро Тара и Финн уже совещались в ресторане гостиницы, разрабатывая стратегию за жареным картофелем с сосисками и грибами.

– Нам следует начать с интервью этой старой леди, – предложил Финн. – Хороший ветерок может в любой момент ее унести.

– Она говорит, что нам нельзя появляться у нее несколько дней. Это как-то связано с отъездом ее дворецкого. – Тара замолчала, не донеся вилку до рта. – И мы не сможем собрать всех членов «Суда» раньше вторника. Может быть, для начала покажем женщин за работой?

Финн согласился, и после завтрака они направились к Ахернам.

– Я так и думала, что вы зайдете, – улыбнулась Пег, широко распахнув дверь.

– Мы не помешаем? – спросила Тара.

– Нет. Мужчины на работе, а у меня чайник на плите Добро пожаловать. Входите.

Конечно, они согласились выпить чаю, как любые порядочные гости, и после нескольких чашек и черного хлеба с маслом, необходимого для налаживания контакта, Финн установил аппаратуру в веселенькой желтой кухне Пег. Правильнее сказать, он установил ее в гостиной возле кухни, так как в кухне не помещались одновременно камера, лампы и он сам. Он снимал через открытую дверь и сделал несколько хороших кадров кухонного стола, где была разложена ткань в сине-белую клетку, из которой Пег кроила платье. На ее фоне Пег с розовыми щеками и слегка растрепанными волосами выглядела уставшей, но любящей матерью.

Пока Финн ставил свет, Тара расспрашивала насчет платья и насчет шитья в целом. Пег с гордостью рассказывала о том, что она – лучшая портниха в Килбули, и утверждала что могла бы быть лучшей портнихой в графстве, если бы у нее было достаточно места, чтобы разложить свою работу.

– Мы построили этот дом после того, как дети выросла и все разъехались, кроме одного, – объясняла она Таре. В это время заработала камера. – Я сказала Фрэнку, что надо построить дом меньше прежнего, чтобы никто из парней не испытывал искушения приехать к нам и усесться на нашу шею. Ох, – правда это звучит ужасно? – воскликнула она покраснев. – Я люблю своих детей, но у нас пять крупных здоровых парней, и они совсем не торопились покинуть дом если вы понимаете, что я хочу сказать. Я так устала от стирки и готовки, от грязных ботинок и всего прочего. Так что когда остался один Томми, мы и построили этот домик. Вторая спальня станет моей мастерской, если он уедет. Но он все не уезжает, и вот я по-прежнему крою ткани на кухонном столе.

– Вы говорили, что старый дом стоит пустой. Возможно, вы могли бы использовать его для шитья, – предложила Тара.

– Да, я об этом думала, но мы ведь перевезли сюда нашу старую печку. – Пег с любовью взглянула на большую чугунную печь, возвышавшуюся в углу, от которой по дому растекалось равномерное тепло. – Это добрая старая печь, но теперь в том доме не осталось ничего, что согревало бы его, а мы не можем позволить себе отапливать два дома.

– А как насчет того, чтобы Томми переселился туда?

– Та же проблема. Ему придется покупать печку, а они сейчас такие дорогие. К тому же он пытается отложить что-нибудь на то время, когда они с Эйлин наконец поженятся. Конечно, им все равно понадобится печь, если они все же доберутся до церкви.

Это замечание привело их к обсуждению нежелания Томми жениться и предстоящего бойкота. Таре достаточно было задать всего несколько вопросов, чтобы Пег говорила не умолкая.

В процессе интервью выяснилось, что Томми обычно водит Эйлин на ленч в кафе Дигана, когда она работает по четвергам в хирургическом отделении больницы, и, закончив разговор с Пег, они отправились туда. Поставили машину у дороги и увидели мускулистого парня, не спеша приближающегося к ним.

– Они уже здесь, – сообщила Эйлин Пег, глядя из окна кабинета на телевизионный фургон, стоящий перед соседней булочной. – Откуда ты знала, что они приедут?

– Я же провела с ними почти все утро, я ведь говорила тебе. Кстати, ты помнишь, что от тебя требуется?

– Да. Дрессировать пса.

– И постараться дать им материал для съемок.

– Ты уверена насчет этого, Пег? Я имею в виду идею показать все это по телевизору…

– Знаю. Я уже два дня думаю об этом, спрашиваю себя, не сглупили ли мы в тот вечер. Но мы ведь обещали. И Томми так нравится быть в центре внимания – он наверняка обрадуется, если его покажут по телевизору. Ты же видела, какой он в пабе, когда там много народу. Кроме того, я доверяю мисс О'Коннел. У нее добрые глаза. – Но…

– Все будет хорошо, дорогая. Правда. Вот увидишь. Эйлин прикусила нижнюю губку.

– А, ладно. Послушай, Пег, мне надо бежать. Пришла пациентка.

Эйлин повесила трубку и занялась миссис Лори и ее лекарством от давления. Отправляя старую даму домой, она увидела приближающегося к ней Томми. Она чуть было не помахала ему рукой, но вместо этого сунула руку в карман и отступила назад, в кабинет.

Если уж она собирается устроить шоу для мисс О'Коннел и ее оператора, ей лучше поговорить с ним на улице.

Она постучала в дверь кабинета доктора.

– Миссис Лори была на сегодняшнее утро записана последней, доктор. Я пойду на ленч, если я вам больше не нужна.

– Прекрасно, – ответил доктор, молодой человек, который раз в неделю приезжал из Энниса. – Возвращайтесь в час.

Она кивнула, закрыла дверь в смотровую, взяла пальто и сумочку и перевернула табличку на двери с надписью «Закрыто».

Томми насвистывал песенку. Она определила это по его сложенным губам и подпрыгивающей походке. Насвистывание означало, что он в хорошем настроении. А в хорошем настроении он был таким милым, что она на мгновение усомнилась, а нужно ли делать то, что она сейчас собиралась сделать. Потом вспомнила его комментарии насчет дублинских девушек и Брайена и расправила плечи.

Это все для блага Томми. И для ее собственного блага тоже.

Она встретила его на дороге, стараясь не поддаваться улыбке, уже осветившей его глаза.

– Эйлин, привет, красавица!

– Добрый день, Томми.

Он наклонился и хотел чмокнуть ее в щечку, но ей удалось увернуться, уронив сумочку и нагнувшись за ней.

– Извини, – смутилась она.

Выпрямляясь, Эйлин заметила в фургоне Тару и блеск объектива телекамеры. Она посторонилась, чтобы им лучше было видно Томми. Возможно, он не был столь утонченным, чтобы хорошо выглядеть за рулем роскошной машины, но у него мужественный профиль, который прекрасно будет смотреться на пленке, в этом она не сомневалась. Он почувствует себя лучше, если все увидят, как он красив.

– Ты готова пойти поесть? – спросил он.

– У меня сегодня нет аппетита.

– Ну пойдем тогда прогуляемся.

– Нет. – Она набрала в легкие побольше воздуха. – Дело в том, Томми, что мне не очень хочется видеть тебя сегодня.

– Тогда завтра, – весело ответил он. – Завтра пятница. Поедем в Эннис, в кино.

– Нет, Томми, завтра вечером тоже не получится.

– Ты на меня сердишься, да? У тебя такой вид. – Он упер кулаки в бока и поджал губы в тонкую, жеманную линию, изображая, как он полагал, выражение ее лица.

Это решило дело.

– Нет, я не сержусь, – проворковала она. – Я просто поумнела. Я наконец поняла, что нет смысла проводить время с человеком, который не имеет серьезных намерений.

– Но я же сказал тебе…

– Я знаю, что ты мне сказал, – перебила она. – Слышала это так много раз, что запомнила наизусть. Правда в том, что я попросила тебя стать моим мужем, а ты ответил «нет».

– Я всего лишь сказал, что не готов.

– Правильно. Ты не готов. Тринадцать лет я встречаюсь с вами, мистер Ахерн, и вы все еще не готовы. Ну и прекрасно. Можешь и дальше продолжать в том же духе, но не мечтай, что я захочу ждать, когда ты наконец будешь готов. .

Его хорошее настроение испарилось, словно клочок тумана под солнцем. Он сжал зубы.

– Ты неправильно берешься за дело, Эйлин. Я не позволю себя принуждать.

– Я вас ни к чему и не принуждаю, мистер Ахерн! Я просто сообщаю вам, как я собираюсь поступить.

– Эйлин…

– Иди поешь, Томми. У тебя в животе тарахтит, как в грузовике с камнями. – Она повернулась и пошла по улице, прижимая к груди сумочку.

Когда Эйлин наконец решилась оглянуться, Томми шагал в противоположном направлении. Она подождала, пока он завернет за угол к кафе Дигана, потом медленно пошла назад, к фургону телекомпании.

– С вами все в порядке? – спросила Тара.

– Все стало хорошо, когда он меня разозлил. – Как только она произнесла это, гнев ее испарился, а плечи опустились. – Это было тяжело.

– Может стать еще тяжелее.

– Я знаю. Но я уже решила: просто буду повторять себе, что дело того стоит. Как говорят: «Терпение – лекарство от застарелой болезни». Ну, эта болезнь Ханрахана уже достаточно старая, и понадобится очень много терпения. – Она кивнула человеку с камерой. – Вот я играла для вас, перед вашей камерой, а мы даже не знакомы.

– Извините. – Тара представила их друг другу.

– Она говорила, вы умеете хранить секреты. – Эйлин задумчиво посмотрела на небо.

– Особенно от жены, – ухмыльнулся Финн.

– Вы женаты? – Он кивнул.

– Десять лет.

– И теперь вы симпатизируете нам или мужчинам? – Финн рассмеялся.

– Всем понемногу. Но мои симпатии не имеют отношения к работе. Я здесь, чтобы снимать то, что прикажет мне Тара.

– Вы снимали нас с Томми?

– Снимал. И чтобы потом это не стало для вас сюрпризом, я вас и слышал тоже. – Он похлопал по массивному электронному устройству, которое торчало из передней части камеры и выглядело так, будто его стащили из фильма о космосе. – Этот микрофон может уловить шепот с противоположного конца поля для регби. Вас с Томми было слышно так же хорошо, как голос проповедника в пустой церкви.

– Я понятия об этом не имела. Надо проследить за тем, что я говорю, если вы находитесь поблизости, мистер Келлехер.

– Не надо тревожиться насчет того, что я злоупотреблю своими божественными, внушающими страх возможностями, – усмехнулся Финн. – И кстати, зовите меня просто Финн. Финн Великолепный, если уж вам так по душе формальности.

Эйлин заморгала, потом взглянула на Тару.

– Представляю себе, как с ним нелегко работать…

– В этом вы правы, – ответила Тара. – Итак, я хотела бы знать, сможем ли мы записать интервью с вами в субботу утром?

Эйлин, подумав, кивнула.

– Подойдет, как и в любое другое время, наверное. Где мы встретимся?

– У вас дома, – ответила Тара. – Я хочу показать каждую из вас в повседневной жизни, но не думаю, что уместно проводить съемки в больнице.

– Да. Нам придется рассказать доктору, и тогда все выйдет наружу. – Эйлин посмотрела на часы. – Мне пора идти. Надо успеть перекусить до начала дневного приема. Увидимся в субботу.

Она пошла по улице, прочь от вкусного, горячего ленча, который, как она знала, ждал ее у Дигана, к холодному сандвичу, ожидавшему ее дома. Внезапно остроконечная крыша Брэмбл-Корт вдалеке напомнила ей кое о чем.

Она обернулась, но фургон уже отъехал, и она не собиралась за ним гнаться. А, ладно, не беда. Таре придется самой узнать, что Брайен Ханрахан вернулся домой.

Тара скрестила на груди руки и поглядывала на Финна, пока они ехали по деревне.

– Куда? – спросил Финн, когда они выехали на открытую площадь, отмечавшую центр деревни.

– Куда-нибудь на ленч, – ответила она.

– В кафе Дигана? Мы могли бы снять кадры о том, как они мучают Томми.

Она покачала головой.

– Слишком большой риск. Нас могут вычислить. Потом решим, где его можно будет поснимать.

– Значит, в гостиницу? Она снова покачала головой.

– Почему ты на меня так смотришь? – удивленно спросил он.

– Ты не женат, Финн Келлехер! – Он рассмеялся.

– И не собираюсь. Но ведь я нахожусь в деревне, полной женщин, которые твердо намерены женить всех холостяков, попавших в их поле зрения.

– А что заставляет тебя думать, что они об этом не узнают? Что заставляет тебя думать, что я им не скажу?

– Взаимная деструкция. Мы с тобой словно русские и американцы – они способны уничтожить друг друга, и поэтому никто из них не хочет рисковать.

– Ты не Финн Великолепный, ты Финн Неисправимый!

– Возможно, но разве тебе не нравится угрожать мне более страшным наказанием, чем просто отрезать мою косичку? – Он подождал, пока до Тары дойдет смысл его слов и она улыбнется. – Так как насчет ленча?

– Нет. Этот завтрак все еще сидит у меня в желудке. Высади меня возле бакалеи, я куплю фруктов или чего-нибудь еще, и встретимся в гостинице.

Томми Ахерн вошел в кафе в пять часов пополудни, в четверг, но без Эйлин. Сиобейн Диган чуть не уронила чайник с кипятком.

Итак, бойкот начался. И Мэри тоже, наверное, начала действовать, потому что сразу же после Томми дверь распахнулась и вошел Рори Боланд, а Рори никогда на неделе не ел нигде, кроме паба. Господи, и Дэниел Клохесси тоже пришел!

Проклятие! Что ей делать с этими тремя? Она не могла отказаться обслужить их – ведь на кухне папа и вокруг свидетели.

Все, что она смогла придумать, – это вынудить их уйти по собственной воле. Да, это выход.

Кафе было переполнено, как всегда в этот час, и трое мужчин решили сесть за столик у входной двери. Хорошо. Там их легко было обходить стороной, даже когда они заметят, что их не обслуживают, и попытаются привлечь ее внимание.

Но настал такой момент, когда ей пришлось пройти мимо них, чтобы отнести заказанное блюдо одному из посетителей, сидевшему впереди. И тут Рори вытянул руку, и его ладонь оказалась прямо перед ее лицом.

– Мы здесь сидим уже давно, женщина. Разве ты не видела, как я махал руками, пытаясь привлечь твое внимание?

– Разве? – удивленно спросила Сиобейн. – А я-то думала, ты пытаешься научить Томми и Дэна летать. Я вернусь через минуту, парни. Не надо так нервничать.

Она отнесла заказ посетителю, потом налила чаю еще трем клиентам и только после этого вернулась к холостякам.

– Что хотите заказать?

– Сандвич с ветчиной и чипсы, – сказал Рори.

– Мне то же самое, – попросил Томми.

– Извините, но ветчина только что закончилась.

На лице Рори отразилась паника. Он очень любил поесть и больше всего любил ветчину. Но он быстро сориентировался.

– Тогда ростбиф, пожалуйста. – Она сложила руки на груди.

– И ростбиф тоже закончился. Извините, ребята.

– Не могло же у вас все закончиться.

– Оглянитесь вокруг. В кафе не протолкнуться.

– Ну, ты же принесла этому парню рагу, – заметил Томми. – У вас наверняка осталось еще.

Посетители начали посматривать на них.

– Думаю, еще пара порций осталась, – сдалась Сиобейн.

– Меня это тоже устроит, – сказал Рори. – И поторопись. Мне надо вернуться на работу.

Дэниел присоединился к остальным.

– Значит, рагу из барашка? – уточнила Сиобейн.

Она пошла на кухню, где ее отец стоял у гриля и жарил филе.

– Что тебе нужно, дорогая?

– Просто пару порций рагу, пап. Ты присматривай за своей рыбой. Я сама справлюсь.

Она наполнила широкие тарелки доверху и вытерла края, куда попало немного подливки.

– Чуть не забыла, – повернулась к отцу она. – Ты не мог бы проверить духовку? Мне не хочется, чтобы подгорели лепешки.

– Конечно, дорогая.

Когда отец отвернулся, она схватила солонку.

Гордость ее страдала. У них с отцом была репутация хороших поваров. Но это же ради Эйлин и всех женщин, с которыми Брайен и другие мужчины играли как кошка с мышкой. Она щедро сыпанула в тарелки соли.

Несколько минут спустя, наблюдая, как парни жадно глотают чай, словно это бесплатное пиво, она решила, что постаралась не зря. Все другие клиенты смотрели на парней как на сумасшедших, которые подняли такой шум из-за очень вкусного рагу.

Томми, Дэниел и Рори вскочили из-за стола с красными лицами. Они вынули из кармана по паре фунтовых банкнот и бросили на стол. Затем выбежали за дверь, не прекращая браниться.

– Что, черт побери, случилось с этими парнями? – недоуменно пожала плечами одна из посетительниц.

Сиобейн удивленно посмотрела на дверь.

– Просто представить себе не могу, миссис Ферли! Они ели то же, что и вы.

Они обменялись понимающими взглядами и подмигнули друг другу. Миссис Ферли позавчера тоже была с ними.

Сиобейн сунула в карман передника оставленные деньги, мучаясь угрызениями совести из-за того, что парни заплатили за несъедобную пищу, и понесла тарелки на кухню.

– Что-то не так с рагу? – встревожился отец.

– Не думаю. – Она взяла чистую ложку из ящика и зачерпнула на пробу из горшка. – Нет, очень вкусно. Наверное, они вспомнили о каком-то неотложном деле. Я это вылью.

– Пропали хорошие продукты.

Несомненно, подумала Сиобейн, поднимая крышку мусорного ведра и выбрасывая в него содержимое двух тарелок. Ее утешала мысль, что она пошла на это ради благого дела. Она опустит эти деньги в церковный ящик для бедных в воскресенье утром.

В этот момент она заметила старого рыжего кота, которого все звали Джеком, неживше-гося на деревянном ящике рядом со служебным входом. Кот заметил, что она смотрит в его сторону, встал, потянулся и посмотрел на тарелки.

Почему бы и нет? Она сняла верхний, соленый слой рагу на последней тарелке, отнесла остатки к ящику и выложила перед котом.

– Давай, парень. Сегодня тебе мыши не понадобятся.

– Мяу. – Он подошел к ней с тем подозрительным видом, который присущ всем котам, и недоверчиво обнюхал мясо. Осторожно попробовав, присел на задние лапы и начал есть с жадностью, которой не проявили Рори и Томми.

– Не премину передать твою благодарность шеф-повару, – улыбнулась Сиобейн. Она отнесла тарелки на кухню и покачала головой. – Рагу не может быть плохим, пап. Коту оно понравилось.

Брайен вошел в парадную дверь Брэмбл-Корта перед самым рассветом. В этот час в доме было тихо, как в гробнице, и эта тишина ничуть не облегчила тревогу, которая одолевала его на всем пути из Дублина. Он заглянул к бабушке и увидел ее покоящейся на пышных пуховых подушках. При тусклом свете ночника она выглядела всеми любимой, но уже стареющей фарфоровой куклой. Он вошел в спальню и, убедившись, что она спокойно спит, тоже отправился в постель, утомленный, но довольный тем, что вернулся домой.

Когда солнце уже миновало зенит и его желудок потребовал калорийной пищи, он оделся и снова пошел к бабушке.

Ее там не было. Вообще-то ему показалось, что все в полном порядке: постель застелена, окна широко распахнуты, как бывает обычно в солнечный день.

Хмурясь, Брайен спустился вниз, чтобы выяснить, что происходит.

– Здравствуйте, мистер Брайен, – поклонилась ему миссис Макуинни, его бывшая нянюшка, а теперь старшая домоправительница. – Как приятно видеть вас дома.

– Привет, няня. – Брайен поцеловал ее в щеку. – Насколько я понимаю, бабушка сегодня чувствует себя лучше? Линч отнес ее вниз?

Няня бросила на него странный взгляд.

– Мистера Линча нет. Он уехал сегодня утром в Уиклоу навестить сестру.

– Оставив больную бабушку? Да я ему голову оторву! – Она удивленно развела руками.

– Не знаю, о чем ты говоришь, сынок, но твоя бабушка сейчас в саду. Наверное, тебе лучше поговорить с ней.

Брайен открыл рот, потом закрыл его, когда понял, что не может сказать ничего подходящего в данной ситуации.

– Да, пожалуй, придется поговорить.

Он прошел через столовую, надеясь по пути в сад найти что-нибудь съедобное. И он, и его желудок испытали разочарование.

Бабушка сидела на солнышке в плетеном кресле и читала. Она не сразу заметила его появление, поэтому у Брайена было время присмотреться к ней. На его взгляд, она совсем не выглядела больной. Даже когда она заболела пневмонией два года назад и врачи сказали, что она может не пережить ночь, она выглядела так, будто лишь слегка утомлена и короткий сон ее исцелит.

Наконец она заложила книгу ленточкой и положила ее на колени.

– Прости, мальчик. Я хотела дочитать этот рассказ. В моем возрасте нельзя быть настолько самоуверенной, чтобы откладывать что-нибудь на потом. Поцелуй свою бабушку.

– Привет, бабуля. – Брайен наклонился и поцеловал ее в лоб.

Кожа ее была сухой и прохладной; во всяком случае, температура у нее явно нормальная.

– Как дела в компании? – спросила она.

Она всегда спрашивала его, как дела в компании, как раньше спрашивала отца, а до него деда, перед тем как компания перешла в ее руки. И ответы на этот вопрос, задаваемый в течение более семидесяти лет, давали ей столько информации о «Ханрахан Лтд», сколько было у самого Брайена, несмотря на то что на памяти Брайена она приезжала в офис всего раза три.

И поэтому он, как обычно, отчитался о нынешнем положении дел в финансах и текущей работе и закончил словами:

– Вчера вечером я как раз работал над проектом для Данлоу, когда позвонил Линч. Зачем он поехал в Уиклоу?

– Там живет его сестра.

– Я не это имел в виду, и ты это знаешь. Как он мог уехать и оставить тебя здесь одну…

– О, перестань. В доме полно слуг, и ты вот тоже теперь приехал. Я велела ему отправиться в гости. – Ее костлявые пальцы теребили атласную закладку. – Кроме того, я не больна.

– Но Линч мне сказал…

– Он сказал тебе только то, что я велела ему тебе сказать, а потом я его отослала, чтобы ты не смог накричать на беднягу. – Она устремила взгляд в сад, будто видела там нечто такое, чего не видел он. – Я хотела, чтобы ты вернулся домой, Брайен.

– Черт побери, бабушка, я отменил встречи на целую неделю, думал, что ты… – Он запнулся и замолчал, осознав, что собирался произнести.

– Умираю? – сухо спросила она. – И всего на неделю отменил встречи? Я считала, что достойна более длительного траура.

Она его дразнила, и он дал ей понять, что знает об этом.

– Разумеется, для того, чтобы поездить верхом и порыбачить после похорон! – ухмыльнулся он.

– Фу! – Она махнула на него рукой, но, не сдержавшись, улыбнулась.

– Так зачем ты устроила этот спектакль? – спросил Брайен.

– Я уже сказала. Я хотела, чтобы ты вернулся домой.

– Я очень часто приезжаю домой.

– На день, на уик-энд. Я рассчитывала на большее и знала, что ты прикажешь своей секретарше расчистить для тебя расписание, если будешь думать, что я заболела.

В ответном вздохе Брайена смешались раздражение и облегчение. Его бабушка была своенравной старушкой, но не в его силах изменить ее характер.

– Ладно, бабушка. Я попался и слушаю тебя. Тем не менее, прежде чем ты мне расскажешь, зачем тебе понадобился приличный кусок моего времени, могу я по крайней мере получить какую-нибудь еду? – Она улыбнулась и кивнула.

– Думаю, повариха припрятала для тебя маленький сандвич. Помоги мне вернуться в дом, и мы поговорим, пока ты будешь есть.

Через несколько минут они сидели за столом в столовой. Брайен соорудил себе сандвич из толстого ломтя лучшего кухаркиного ростбифа, жирного сыра «Керри» и кружочков лука и наложил на тарелку гору яблочного салата с маринованной свеклой.

– Никогда в жизни не видел ничего столь же аппетитного, – честно признался он и потянулся к баночке с хреном. – Так для чего ты вызвала меня домой?

– Я много думала, сидя в этом большом пустом доме, и пришла к выводу, что тебе пора жениться.

Он улыбнулся. Значит, опять она за свое. Она заговаривала об этом несколько раз в год.

– Возможно. Но я еще не готов жениться.

– Ты – наследник одного из самых крупных состояний в Ирландии, и тебе тридцать шесть лет. Пора уже прекратить шататься с кем попало, как козел, и обзавестись собственной женой и детишками. Я хочу, чтобы ты выбрал одну из тех особ, которые тебе, по-видимому, так нравятся, и женился ка ней.

Он слушал ее и все больше веселился.

– Боюсь, ни одна из этих особ не нравится мне настолько, чтобы провести с ней всю жизнь.

– Так найди новую, если надо! Я хочу увидеть перед смертью своих правнуков. И надо подумать о компании. Что, если с тобой что-нибудь случится? Мне некому будет передать ее.

– Я думаю, сестре бы не понравились твои слова, если бы она их услышала.

– Фу! Кэтлин наплевать на компанию, так было всегда. Я даже не знаю точно, где она сейчас находится.

Брайен тоже не успевал следить за своей сестрой-антропологом, но на этот раз смог сообщить:

– В прошлом месяце я получил от нее письмо. Она занималась какими-то исследованиями в Буркина-Фасо.

– Ах вот как! Я даже не знаю, где это.

– В Западной Африке. Раньше эта страна называлась Верхняя Вольта.

– Ну, теперь это не имеет большого значения. Маловероятно, что она найдет себе там хорошего ирландского парня, а если и найдет, то я не могу себе представить, что она нарожает детей только для того, чтобы таскать их за собой по всему миру в экспедиции. Стать отцом следующего поколения Ханраханов предстоит тебе, и пора уже взяться за дело.

– Возьмусь, бабуля, рано или поздно.

– Время уже поджимает, мой мальчик. – Она сложила руки на столе и смотрела на него в упор, и в ее взгляде было нечто такое, что заставило его напрячься. Наконец она, вздохнув, сказала:

– Мне больно говорить это, Брайен, но если ты в ближайшее время не женишься, я лишу тебя наследства.

– Что? – Брайен уронил вилку, и она со звоном упала на тарелку.

– Я лишу тебя наследства, – повторила она, – если ты не женишься.

– Ты не можешь этого сделать!

– Могу и сделаю. Пусть ты управляешь компанией, но она все еще принадлежит мне. Либо ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, либо я начну распродавать ее по частям и переводить

деньги благотворительным фондам. Если результат тяжкого труда твоего деда не перейдет в руки потомков Ханраханов, то по крайней мере я увижу, как они пойдут на благое дело, пока я еще жива.

Он ошеломленно смотрел на нее.

– Если ты не можешь найти девушку в Дублине, – невозмутимо продолжала бабушка, – возможно, тебе следует поискать в деревне. В Килбули полно прекрасных молодых женщин.

– Ага! Ты уже кого-то заприметила, сразу видно. Теперь другое время, бабуля. Ты не можешь заставить меня жениться на женщине по своему выбору.

Она и бровью не повела.

– Ты свободен как птица, можешь жениться на любой, по своему выбору.

– Лишь бы женился, – проворчал он.

– Лишь бы женился. После смерти родителей ты проделал огромную работу по управлению компанией, Брайен, поэтому я дам тебе немного времени: я не стану распродавать компанию до твоего дня рождения.

– До дня рождения? Но до него осталось всего пять месяцев!

– Почти шесть. Чтобы познакомиться со мной, поухаживать и жениться на мне, твоему деду хватило половины этого срока. А у тебя впереди целая свободная от деловых встреч неделя, можешь привыкнуть к этой мысли и полистать эту свою черную записную книжку. У тебя останется еще масса времени на то, чтобы уговорить молодую леди.

– Черт побери, бабушка! – Брайен хлопнул ладонью по столу так, что фарфоровая посуда подскочила и задребезжала. – Я не какой-то чертов бык, и ты не можешь устанавливать сроки, когда мне следует спариваться. Ради Бога! Ты ведешь себя как старая…

– Следи за своими выражениями, мальчик! – оборвала его она. – Я – твоя бабушка, и ты должен разговаривать со мной уважительно. – Отчитав его, она смягчила тон: – Ну, успокойся. Выпей чаю. Злость испортит тебе пищеварение.

– К черту мое пищеварение! – Он бросил салфетку на стол. – Извини, бабушка. У меня что-то пропал аппетит.

Гнев погнал его из дому, и он пронесся через половину Деревни. И лишь тогда понял, что его последняя фраза была ложью, и пожалел о том, что не доел свой сандвич.

Но воздух был чистым, а погода теплой; он спустился с холма в центр и направился в «Нос епископа». Ростбиф Мэри Доннели почти не уступал ростбифу их кухарки.

Гнев его постепенно угасал, и ему даже удалось задуматься над словами бабушки.

Возмутительная старушка! Но беда в том, что она права. Как член семьи Ханраханов, единственный, кто интересуется компанией и способен управлять ею, он обязан обеспечить клан наследником и своим преемником. Он и сам уже подумывал об этом.

Но он просто не готов, и у него впереди еще полно времени. Ему надо вернуться домой и поговорить с бабушкой. Она упряма, но у нее присутствует здравый смысл. Он заставит ее передумать.

Только сначала поест.

Он как раз проходил мимо небольшого магазина, где раньше размещалась лавка зеленщика, когда его внимание привлекла головка с волосами цвета шкуры его лучшего рыжего иноходца. Головка принадлежала хорошенькой молодой женщине, которая показалась Брайену знакомой, но он не мог вспомнить, где ее видел. Женщина как раз входила в магазин. Из любопытства он последовал за ней.

Она подошла к прилавкам с фруктами и овощами и начала выбирать яблоки. Брайен подумал, что это, должно быть, одна из деревенских девушек, которая за последнее время выросла и стала очень хорошенькой, судя по изгибам ее фигурки под мягкими брюками и коротким жакетом.

Черт возьми, кто она такая? Брайен гордился своей памятью на лица. Он часто называл по имени человека, с которым встречался всего один раз, причем много лет назад. То, что ему не удавалось вспомнить имя этого прелестного создания, ужасно раздражало его. Когда она выбрала яблоко и перешла к холодильнику, в котором хранилось молоко, он обогнул стеллаж с консервами, чтобы лучше ее разглядеть.

– Брайен, рад тебя видеть! – Мистер Хаггерти, менеджер магазина, отвлекся от банок с зеленым горошком и протянул ему руку.

Брайен пожал ее и задал менеджеру несколько вопросов о миссис Хаггерти и детях. Кажется, трое или четверо из них сейчас болели ветрянкой, и шуточки по поводу зуда и пятнышек отняли у него еще пару минут. К тому времени как он распрощался с Хаггерти и направился к холодильнику, девицы уже и след простыл.

А, ладно. Он не собирается бегать по магазину и искать ее. Они наверняка еще встретятся, и не один раз. Или он может спросить а ней бабушку… но это наведет ее на ложные мысли, а ей их сейчас и так хватает.

Он уже шел к выходу, когда заметил у кассы рыжие волосы. Повезло. Он быстро схватил баночку мятных конфет и проскользнул в очередь прямо за ней, опередив мужчину с кока-колой и пачкой сигарет.

За кассой стояла старшая дочь Хаггерти, и когда она закончила с молодой женщиной – ни разу не назвав ее по имени, черт возьми! – и увидела своего следующего клиента, тут же расплылась в улыбке.

– Я слышала, что вы вернулись, мистер Ханрахан. Приятно снова видеть вас.

Женщина обернулась и посмотрела на него, и он смог как следует разглядеть ее лицо. Умные зеленые глаза, полные губы, широкий рот, едва заметная россыпь веснушек на высоких скулах. Боже мой!

По ее лицу было видно, что она его узнала, и в тот же момент Брайена осенило. Это же та проклятая телерепортерша, рыжеголовая барракуда из передачи «Ирландия на этой неделе». Она не здешняя. Она не вписывается в этот пейзаж. Вот почему он никак не мог ее узнать. Пока он искал хоть какой-нибудь выход из затруднительного положения, она улыбнулась и протянула ему руку.

– Мистер Ханрахан, я – Тара Брид О’Коннел из РТИ. Я надеялась, что случайно встречусь с вами.

Глава 4

Господи, как он красив, думала Тара, впервые получив возможность внимательно разглядеть Брайена Ханрахана. Он был гораздо красивее, чем на любой пленке или на фото, которые ей попадались, возможно, потому, что черты его лица были лишены того законченного совершенства, которое так любят камеры. Его нос слегка загибался вниз, на переносице имелся крохотный шрам, словно память о мальчишеской драке. Одна бровь была немного приподнята, как будто он постоянно чему-то удивлялся. А губы выглядели слишком полными и женственными на мужском лице. Но все вместе смотрелось хорошо. Очень хорошо. Она даже и не подозревала насколько.

Но главное, на что следовало обратить внимание, – это его глаза. Ни одна камера не способна передать такой синий цвет – их слегка бирюзовый оттенок затмевал синеву глаз бабушки. И еще камера не могла бы уловить жизнеутверждающую сексуальную притягательность, таящуюся в их глубине. Такая вспышка синевы способна заколдовать облака и заставить их спуститься с неба. Неудивительно, что все женщины от Килбули до Парижа падали к его ногам.

И подумать только, все это лишь фасад. Насколько было известно Таре, Брайен пользовался своей внешностью и обаянием, чтобы застать людей врасплох, а потом растоптать любого, кто оказывался на его пути.

Но сейчас, однако, Брайен Ханрахан явно не думал о своем обаянии. Синева его глаз обдавала ее холодом. Он подозрительно прищурился.

– Зачем вам это понадобилось? – спросил он.

Тара смутилась и опустила руку, когда поняла, что он не собирается ее пожимать, но улыбка упорно держалась на ее лице. Она тоже умела очаровывать, когда хотела добиться своего.

– Чтобы взять интервью.

– Обо всех интервью следует договариваться через мой офис в Дублине. – Он выудил из кармана несколько монет, бросил их на прилавок и прошел мимо нее. – Как репортеру вам это должно быть хорошо известно, мисс О'Коннел.

Тара подхватила свой пакет и пошла вслед за ним к выходу.

– Конечно, я знаю. Но мне не хочется получить еще одно из тех «законсервированных» интервью, которые дают ваши пиарщики.

– Я плачу им деньги, чтобы они давали эти «законсервированные» интервью.

– Правда? Ну, вам следует сказать им, чтобы они иногда переставляли пальму в кадке вправо – она у них всегда стоит слева.

Ей показалось, что он тихо рассмеялся, но не замедлил шагов, и так как ноги у него были длиннее, он быстро уходил от нее. Ей надо привлечь его внимание.

– Им придется лучше выполнять свою работу, если вы надеетесь пройти в нижнюю палату парламента.

Он остановился и теперь уже откровенно смеялся над ней.

– Как вы об этом узнали?

– Вам наверняка известно, что весь Дублин только об этом и говорит. Тем не менее, если это неправда, буду счастлива вас выслушать. Мой оператор сейчас на ленче, но я могу немедленно его вызвать.

– Хорошая попытка, мисс О'Коннел, но это уже было бы интервью. А мой ответ остается отрицательным.

– Почему?

– Потому что я у себя дома. Я приехал сюда, кстати, и Для того, чтобы отделаться от ваших… людей. – Его тон ясно говорил: «от ваших стервятников».

Она проигнорировала насмешку.

– Именно поэтому я здесь. Для большинства людей вы всего лишь бизнесмен и плейбой, но в какой-то степени еще и народный герой. Почти миф. Но я подозреваю, что есть и другая сторона, и мне бы хотелось ее показать. – Тара подумала, не скрестить ли пальцы, поскольку она так вольно обошлась с истиной. – И конечно, если вы действительно намереваетесь баллотироваться в парламент, – продолжила она, – вам необходимо позволить народу рассмотреть вас поближе, не в связи с бизнесом и всеми этими женщинами. Показать вас деревенским парнем, который приехал домой навестить свою старую бабушку.

– Если я намереваюсь баллотироваться. – Он скрестил руки на груди, вся его поза выражала упрямство.

Тара пожала плечами.

– Я все равно собираюсь сделать о вас репортаж, мистер Ханрахан. Это будет хорошая, крепкая, правдивая передача. Но она была бы более полной, если бы вы согласились на интервью. Я остановилась в гостинице – это на тот случай, если вы передумаете насчет пальмы в кадке.

Она направилась к гостинице и все же скрестила пальцы, но на этот раз – на удачу. Она чувствовала на себе его взгляд и изо всех сил старалась не вилять бедрами. Это навело бы его на мысль, что она попросту пытается соблазнить его. Конечно, при его репутации это могло бы сработать.

– Хорошая попытка! – крикнул он ей вслед. Она остановилась и обернулась.

– Это сарказм, мистер Ханрахан?

– Я не хотел, чтобы это так прозвучало. Если вам когда-нибудь надоест делать телерепортажи, можете подумать насчет перехода в сферу продаж. Вы хорошо умеете ездить верхом?

Что он задумал? Она осторожно ответила:

– Довольно прилично.

– У вас с собой есть подходящая одежда?

– Я могу найти. – Выпросит или одолжит, если придется.

– Тогда поехали со мной кататься верхом сегодня после полудня, и мы поговорим.

– Мой оператор боится лошадей.

– На него приглашение не распространяется. – Он покачал головой. – Не упускайте свою удачу, мисс О'Коннел. Вам всего лишь удалось убедить меня в том, что эту идею стоит обдумать. Теперь я даю вам шанс меня убедить – наедине, – стоит ли это делать и поручить ли это именно вам. Я не стану обещать вам интервью, но мы можем обсудить это во время прогулки.

Очевидно, эта прогулка станет частью теста. Она улыбнулась. Тесты ей всегда удавались.

– Вполне справедливо.

– Тогда в три ровно. Возле моей конюшни.

Она кивнула, он тоже, и они разошлись в разные стороны.

Несмотря на это, у Тары не возникло ощущения близкой победы. Все получилось слишком легко. Что за скользкий тип! Чего он добивается?

Он не отрицал, что собирается баллотироваться в парламент.

Она достала из пакета яблоко, потерла его о рукав и надкусила, размышляя о головоломке по имени Брайен Ханрахан. Противный вкус заставил ее выплюнуть откушенный кусок.

Тара посмотрела на яблоко. Такое идеально красивое и сладкое на вид снаружи, оно имело гнилую сердцевину.

Интересно, подумала она, не в этом ли решение головоломки?

Сидя в пабе за чашкой крепкого кофе и фирменным сандвичем Мэри Доннели, Брайен никак не мог понять, почему он так поступил.

Тара О'Коннел вызывала раздражение. Она была любопытна. Она была репортером, а видит Бог, он ненавидел репортеров. Он подозревал, что ее обещания сделать честную и объективную передачу – сплошное вранье.

И все же он пригласил ее в свою конюшню и в свой дом – и как раз тогда, когда бабушка так настаивает, чтобы он женился и завел детей.

Он поступил как лунатик, вот в чем дело.

Он бы свалил вину на полную луну, если бы это не произошло среди бела дня. Значит, все дело в ее волосах.

В них – или в том, что она первой из репортеров прямо спросила у него, намеревается ли он баллотироваться в парламент. Несмотря на ее утверждение, что слухи об этом носятся по всему Дублину, ей, должно быть, пришлось напрячь свой слух: он начал обдумывать такую возможность всего месяц или два назад.

Начисто все отрицать – с Тарой О'Коннел это не пройдет. Она просто вставит эту информацию в свою чертову передачу, а он будет выглядеть трусливым болваном, если объявит потом о своих намерениях. Но если он признает, что обдумывает подобный шаг, а потом передумает, то будет выглядеть еще глупее. Тогда она сможет припереть его к стенке.

Сверх того, у него возникло ощущение, что она не слишком интересуется его политическими амбициями. Он видел ее репортажи, и в них было мало политического анализа, в основном пустая болтовня и шум по поводу защиты интересов низших слоев. Она превращалась в бульдога, когда хотела получить ответы на свои вопросы – особенно если эти вопросы ставили человека в неловкое положение. Не одна карьера рухнула под напором тарана по имени Тара Брид О'Коннел.

Так что же заставило его подпустить ее к себе? И почему она шныряет по Килбули, если всем известно, что он в Дублине, и он даже сам не знал, что поедет домой, пока не позвонил Линч?

Или она следовала за ним из города и каким-то образом подстроила эту встречу?

Несколько вопросов, заданных Мэри Доннели, прояснили ситуацию и подтвердили то, что он уже заподозрил: она пробыла здесь уже два или три дня.

Итак, что мы имеем? Он последовал за Тарой в магазин по собственной воле и пригласил ее покататься с ним – тоже по собственной воле, по прихоти, рожденной желанием выяснить, действительно ли ее волосы того же оттенка, что и шкура его коня. Идиотизм! Если он сделал глупость, то благодарить должен лишь самого себя. Теперь ему также самому придется найти выход.

О Господи, как же он ненавидит репортеров!

– Берегись!

Это предупреждение спасло палец Рори Боланду. Он отдернул руку за секунду до того, как мотор опустился на блок, куда он по глупости положил ладонь.

– Господи, – произнес Мартин, выключая лебедку. Рори вытер внезапно вспотевший лоб рукавом.

– Спасибо. Я твой должник.

– Что это с тобой? Ты сегодня опасен для самого себя.

– Я просто умираю с голоду, вот что со мной. Мой пупок прилип к позвоночнику.

– Как это? Ты ведь каждый день ешь у Мэри Доннели.

– Должен есть. – Рори вытер руки о грязную зеленую тряпку, свисающую у него из заднего кармана. – Но сегодня утром она заявила мне, что больше не будет для меня готовить. Я должен сам себя кормить. А потом я выложил кучу денег у Дигана за такое гадкое, пересоленное рагу, какого мне еще в жизни не доводилось пробовать.

– У Дигана? – недоверчиво переспросил Мартин. – Никогда не съел ни одного невкусного кусочка у Дигана.

– Я тоже – до сегодняшнего дня. И никогда еще меня так скверно не обслуживала Сиобейн. – Рори выложил ему эту злосчастную историю.

– Так что ты остался и без завтрака, и без ленча? – спросил Мартин.

– Без ничего!

– Бедняга. – Мартин покачал головой, обдумывая это ужасное положение. – Неудивительно, что ты не можешь сосредоточиться на работе. В любом случае пора сделать перерыв. Беги куда-нибудь и поешь, чтобы продержаться до ужина. Тогда ты будешь работать лучше и мы оба будем целее.

Рори кивнул.

– Наверное, я так и сделаю.

Он снял комбинезон, расчесал пальцами волосы и отправился в булочную, расположенную рядом с мастерской по ремонту автомобилей, в которой он работал на Мартина Джури.

Так как было уже далеко за полдень, в булочной оказалось мало народу, но и выбора не было почти никакого. Пока Рори разглядывал пустые корзинки, он почувствовал на себе пристальный взгляд Крисси.

– В чем дело? – спросил он, поворачиваясь к ней.

– Меня просто удивило, почему ты пришел за булочками в такое время.

– Я голоден – почему же еще? – проворчал он и снова принялся рассказывать свою грустную историю.

– О, неужели такой крупный парень, как ты, целый день ничего не ел? Это преступление – вот что это такое! Очень жаль, что ты не пришел к нам во время ленча. Мы тогда только вынули пирожки из духовки. Зияешь, те самые, с мясом, луком и травками.

У Рори потекли слюнки. Эти пирожки были его любимой едой после хорошей тарелки ветчины.

– Я съем один, – охрипшим голосом произнес он.

– Мы все распродали, – развела руками Крисси.

– Распродали? Так зачем ты мне о них рассказываешь, женщина? Ты хочешь меня помучить?

– Нечего на меня кидаться! – обиделась она, выгибая спину, словно ощетинившаяся кошка. Рори показалось, что он услышал короткий смешок, но это ему наверняка померещилось. – Я всего лишь сказала, что тебе следовало прийти сюда пораньше. Но ты не пришел. А теперь ничего не осталось.

– Тогда дай мне две булочки со смородиной. – Он показал на ближайший поднос на верхней полке.

– Отлично. – Она взяла пакет из белой бумаги и щипцы я потянулась к контейнеру за булочками. – С тебя ровно один фунт.

– Я возьму к ним масла, – сказал Рори.

– Масла нет. Кончилось. – Она бросила булочки в пакет и загнула его верхнюю часть.

– Но ведь не могло у вас кончиться масло! Это же булочная.

– Не приехала доставка, и у нас осталось ровно столько, чтобы хватило на утро, – возразила она. – Я не собираюсь погубить утреннюю выпечку, отдав сегодня масло тебе.

– Но я ведь не могу есть их без ничего! – возмутился Рори.

– Почему? – удивилась Крисси.

– Они всухомятку невкусные.

– Запей водой. Она бесплатная. Полагаю, у Мартина в мастерской есть вода.

– Ах, Крисси, почему ты так плохо со мной обращаешься?

– Меня ждет работа, Рори. Ты берешь эти булочки или нет?

– Беру, – проворчал он и сунул руку в карман. – С маслом или без масла.

– Прекрасно.

– Прекрасно.

Он положил монету в один фунт ей на ладонь, взял свой пакет и вышел. Крисси сдерживалась, пока он не исчез из виду, а потом ее веселый смех зазвенел среди стеклянных витрин, как колокольчик.

Это может оказаться еще забавнее, чем она думала.

Во второй половине дня Тара подъехала к Брэмбл-Корту, и работник, подстригавший живую изгородь у ворот, показал ей дорогу к конюшне.

Следуя его указаниям, она обогнула на своем «фольксвагене» северное крыло дома и поехала по узкой аллее через рощу из древних дубов, которые каким-то чудом пережили несколько веков английского кораблестроения. Даже без этих указаний она наверняка заметила бы конюшню: длинное строение из красного кирпича вмещало, наверное, двадцать стойл, а поблизости находились загоны для выгула, ринги и другие атрибуты коневодства.

И там, в широких воротах конюшни, стоял Брайен Ханрахан, в простом костюме для верховой езды и слегка поношенных коричневых сапогах, и держал повод такого красивого темно-рыжего коня, каких Тара еще никогда не видела. Он разговаривал с каким-то мужчиной, который что-то делал с правой задней подковой мерина.

Тара выключила мотор и распахнула переднюю дверцу. Ее тут же окутал запах конюшни – густой аромат лошадиного пота, сена и свежего навоза. Она сделала глубокий вдох и почувствовала, как у нее на душе стало спокойнее. С ее точки зрения, Брайен не мог выбрать лучшего места для встречи.

– Добрый день, мисс О'Коннел, – поклонился Брайен. – Сейчас я к вам подойду.

Она стояла в сторонке, пока они не закончили с подковой, а когда второй мужчина выпрямился, она с удивлением узнала Томми Ахерна. Вот это уже интересно! Он поднялся на одну ступеньку вверх в ее глазах – благодаря лошадям и спустился на одну ступеньку вниз – из-за своего выбора работодателя.

Брайен что-то сказал Томми, и тот ушел в конюшню, а Тара подошла к хозяину поместья.

На этот раз они пожали друг другу руки – в знак перемирия, правда временного, которое он ей пообещал.

– Привет, красавец, – обратилась она к коню, давая ему понюхать ладонь.

Он насторожил уши и обнюхал ее руку, а потом толкнул в плечо, выпрашивая лакомство.

– Извини, приятель. Это всего лишь запах ленча. – Конь снова толкнул ее и выпустил из ноздрей струйку пара прямо ей в щеку. Она засмеялась и вытерла влагу ладонью. – Знаю, мне следовало принести тебе сахару, правда?

– Прекрати, попрошайка, – нахмурился Брайен и оттащил коня в сторону. – Он как большой щенок – всегда обслюнит человека.

– Ох нет, он великолепен «Смелый, гордый, выносливый».

– «Прекрасная грудь, прекрасная грива, и легок в движениях», – ответил он следующей строкой древней хвалебной песни о хорошем коне. – Вы снова меня поразили, мисс О'Коннел. Вы и остальное знаете?

Она начала обходить вокруг мерина, роясь в своей памяти.

– Дайте вспомнить. Там есть еще три пункта о мужчине и три о женщине. А, вспомнила! «О лисе: пушистый хвост, короткие уши, быстрая походка. О зайце: большой глаз, сухая голова и хороший бегун. И об осле: большой подбородок, плоская нога и хорошее копыто». – Она провела рукой по холке и крупу красивого животного, потом вниз по ногам, проверяя его стать. – Я еще не видела, как он двигается, но готова поставить десять против одного, что этот парень имеет все перечисленные достоинства,

Брайен кивнул, уголки его губ приподнялись в улыбке.

– Теперь посмотрим, действительно ли вы отличаете один конец лошади от другого или это всего лишь умный блеф.

Тара улыбнулась, но промолчала,

Томми привел другого мерина, серого в яблоках, который был на пол-ладони выше первого и гораздо более норовист, чем хотелось бы Таре для поездки на незнакомом коне. Она испытала облегчение, когда Брайен предложил ей гнедого.

Томми принес шлем, и она поблагодарила его, впервые получив возможность рассмотреть вблизи возлюбленного Эйлин. Он был высоким, с квадратными плечами и широкими, сильными руками. Несмотря на бугры мускулов, он был довольно красив, и в его карих глазах с густыми ресницами светилась нежность, которая могла вызвать у девушки завистливый вздох. Кажется, кони тоже ему доверяли. Это о многом говорило, по мнению Тары. Неудивительно, что Эйлин так долго не решалась его бросить.

– Его кличка Бриг, мисс, – добавил он, когда она застегнула шлем. Он еще раз проверил подпругу и подсадил ее в седло. – Вам стремена не длинноваты?

– На одно деление, по-моему.

Томми быстро укоротил стремена, она их проверила и поблагодарила его.

– Все готово? – спросил Брайен, уже сидевший на сером, который боком приплясывал по двору, прижав уши к голове.

– Порядок. Показывайте дорогу.

Они выехали в поля, простиравшиеся за конюшней, чтобы дать коням размяться в легком галопе. Гнедой оказался замечательным верховым конем, ему хотелось пуститься во весь опор, но он готов был подчиняться, и вскоре у Тары заболели щеки от восторженной улыбки. Но Брайену пришлось немного поукрощать серого.

– Он всегда доставляет столько хлопот? – спросила Тара после того, как серый в очередной раз шарахнулся в сторону, теперь уже от птицы, пролетевшей над головой.

– На нем мало ездят, – ответил Брайен. – Он принадлежит моей сестре Кэтлин. Она несколько лет назад уехала из страны, а я не забочусь о нем так, как следовало бы. Я решил заодно сегодня его погонять, поскольку вы едете на Бриге.

– Это ваш конь? Почему вы посадили на него меня?

– Я могу ему доверять. Я не был уверен, что вы хорошая наездница, – улыбнулся Брайен. Он бросил взгляд в ее сторону. – Собственно говоря, я еще и сейчас не уверен.

– Так почему бы вам не убедиться? Сумеет ваш Бриг перепрыгнуть вон через те ворота?

– Сумеет, если сумеете вы. Адвокаты РТИ не предъявят мне иск, если вы сломаете шею?

– Думаю, нет. – Она ударила гнедого пятками и пустила вскачь. – Поехали, парень!

Она понеслась через луг; тяжелые копыта иноходца выбивали ритм в такт стуку сердца Тары. Брайен ка сером догнал их, и теперь они мчались наперегонки.

Впереди выросла каменная стена. Тара слегка придержала Брига, позволяя Брайену вырваться вперед. Он повел их к воротам высотой не больше трех футов, и они с серым легко взяли это препятствие.

Адреналин вскипел в крови Тары, когда ее гнедой последовал за ними. Давно ей не приходилось брать препятствия.

– Я с тобой, мальчик, – прошептала она, пригнулась к гриве коня и отпустила поводья.

Конь знал свое дело, так что надо было просто довериться ему, и они тут же оказались по другую сторону стены. Брайен ускакал далеко вперед и издали наблюдал, как они приземлились.

– Похоже, вы не блефовали, – удивленно протянул он. – Вы могли бы перепрыгнуть и через саму стену, да еще с запасом.

– Отец задал бы мне хорошую взбучку, если бы я запорола такое невысокое препятствие, – ответила она, намеренно подчеркивая сильно выраженный ирландский акцент графства Керри.

Его приподнятая бровь поднялась еще выше.

– И кто же ваш отец?

– Кристофер О'Коннел из Баррадуфа, графство Керри.

– Вы – одна из дочерей Кита О'Коннела? – Брайен откинулся в седле и покачал головой. – Ваш отец, по моему мнению, лучший тренер в этой стране, а вы еще говорите, что ездите верхом довольно прилично!

– Но я же не участвую в соревнованиях, а в моей семье если вы не годитесь для Олимпиады, то вас просто считают приличной наездницей. К тому же я почти не ездила верхом, с тех пор как окончила университет.

– Хорошо, – сказал Брайен. – Спишу вашу притворную скромность на высокие моральные стандарты, а не на преднамеренную попытку ввести меня в заблуждение.

– Вряд ли я стала бы тратить силы на то, чтобы ввести вас в заблуждение относительно лошадей. Слишком легко проверить. Значит, я сдала тест?

Он взглянул на нее; взгляд его переходил с нее на коня и обратно, и у нее по коже побежали странные мурашки.

– Оба теста, мне кажется, – загадочно ответил он, повернул серого и направил его вдоль изгороди. – Кстати, Брига тренировал еще ваш отец.

Она похлопала гнедого по шее.

– Мне следовало догадаться об этом по тому, как он слушается поводьев. Если бы в детстве у меня был такой конь, я бы, может, и передумала насчет участия в скачках.

– Но у вас наверняка была собственная лошадь.

– Вам так кажется, но я ездила на самых разных лошадях, какие оказывались под рукой. Мой отец тогда еще не был так хорошо известен, а нас у него семеро, и с деньгами было туго. Он выделял нам собственного коня только тогда, когда мы доказывали, что готовы посвятить этому свою жизнь, так же как он сам. Я всюду бегала с маленьким магнитофоном, брала интервью у братьев, когда они выигрывали то или иное соревнование. Отец рано понял, что лошади – не для меня.

– Он был разочарован?

– Если и был, то не подавал виду. Я единственная из О'Коннелов, кто не заразился этой болезнью. Мой средний брат, Альберт, уехал в Канаду и стал швейцаром в Отеле «Хилтон» в Торонто, и отец так же гордится им, как и всеми остальными. Думаю, у него достаточно детей, которые пошли по его стопам, чтобы сделать его счастливым.

Они ехали больше часа, объезжая поместье Ханрахана, еще несколько раз брали несложные препятствия и беседовали о лошадях, о фермерстве, о местной охоте, о погоде – обо всем, кроме Брайена Ханрахана и телевизионных интервью.

И в результате Тара забыла, зачем она сюда приехала. Это лошади так на нее действовали. Пусть она не стала наездницей, как хотел ее отец, но верховая езда всегда была ее любимым занятием. А день был чудесный, что редко случается на западе страны. Редкие облака плыли высоко над головой, а солнце согревало ее щеки.

Они ехали по дороге, ведущей в заброшенную, заросшую кустами небольшую лощину. Обсаженная одичавшими фуксиями, дорога была настолько узкой, что ее ширины хватало только на двух коней в ряд, и Брайен ехал так близко от нее, что его щиколотка иногда касалась ее ноги. Эти случайные прикосновения взволновали Тару, словно глупую девчонку. Она тут же списала это на естественную реакцию своего тела, которое вот уже несколько месяцев не знало мужчины.

Они снова соприкоснулись, и по взгляду Брайен она поняла: эти прикосновения не были случайными. Щеки ее порозовели.

Это просто смешно.

– Я часто удивляюсь, как ездили в каретах по таким старым дорогам – они ведь очень узкие, – сказала она, пытаясь переключиться на другую тему. На любую другую.

Брайен искоса взглянул на нее.

– Почему вы целую неделю болтаетесь в Килбули? Значит, он расспрашивал о ней. Ну если он хочет застать ее врасплох, ему надо придумать что-нибудь получше, чем толкать ее ногой.

– Не совсем так, – весело ответила она. – Всего лишь с вечера вторника. А Финн – мой оператор – приехал в среду, если ваши осведомители еще не сообщили вам об этом. Хотя, должна сказать, я польщена тем, что вы взяли на себя труд навести обо мне справки.

– Не надо, – поморщился Брайен. – Это слишком долгий срок, чтобы бродить здесь в надежде на мое появление, особенно если учесть, что я был в Дублине и не планировал его покидать. Могу добавить, что вы бы знали об этом, если бы позвонили ко мне в офис.

– Мне надо было изучить ваше окружение. И нам предстоит снять еще несколько репортажей в этом районе, чтобы вставить их в новости, если не будет ничего срочного.

– Мне казалось, что теперь так не бывает.

– Не часто, но бывает, – возразила она. – Мы стараемся дать людям отдохнуть от напора новостей. Редкие репортажи о маленькой деревне, о каком-нибудь человеке, который рисует картины или мастерит скрипки, всегда получают хорошие отклики зрителей.

– Тогда вам надо побеседовать с моим конюхом, – заметил Брайен. – Он именно этим и занимается – мастерит скрипки.

– Томми? – удивленно спросила она.

– Он на них играет, к тому же и… – Брайен замолчал, и в его взгляде снова появилось подозрение. – Откуда вы знаете его имя?

– Я… э-э… – Попалась! – Я его уже видела, вот и все. Килбули не так велик. Не нужно много времени, чтобы узнать, кто есть кто. Томми встречается с этой медсестрой, Эйлин Макенрайт, ведь так? А его мать шьет на дому, ее зовут Пег или что-то в этом роде. И еще есть Рори Боланд, который живет над пабом и работает в гараже Мартина Джури. Крисси – девушка из булочной. – Она продолжала трещать, обезоруживая его именами и обрывками сплетен, которые собрала за время своего короткого пребывания в Килбули.

– Ладно, ладно, – перебил он, – Вы доказали, что это маленькая деревня.

– И разговорчивая, – с важным видом добавила она.

– Ммм. Насколько я понимаю, обо мне вы тоже расспрашивали?

– О вас и о многом другом.

– И люди отвечали?

– О вас или о многом другом?

Он прищурился.

– Одни отвечали, другие нет. И, предупреждая ваш вопрос, отвечу: нет, я вам не скажу, кто есть кто, хотя некоторых людей мы снимали, так что вы, возможно, когда-нибудь узнаете, если я решу использовать эти пленки.

– Вы должны знать, что я не слишком жалую репортеров.

– Я об этом слышала.

– Особенно тех, кто выпытывает сведения за моей спиной.

«Это потому, что вам есть что скрывать», – подумала Тара. Вслух же она его заверила:

– Это просто хорошая работа репортера. Я не могу толково рассказать всей стране, кто вы и откуда родом, не поговорив с людьми, с которыми вы росли и которые знают вас с детства. О вас говорят, что вы требуете добросовестной работы от каждого из своих служащих, мистер Ханрахан. У меня те же стандарты. Я делаю то, что необходимо, чтобы рассказ был полным. Мне кажется, вы должны это ценить.

– Ценю. Но мне не нравится быть объектом этой вашей старательности. Если вы… Что это?

Какое-то движение б дальнем конце дороги привлекло внимание Тары. Она взглянула на заросли кустарника, но увидела лишь качающиеся ветки.

– Птица? Или лиса?

Брайен всмотрелся, потом покачал головой.

– Возможно. Давайте проедем здесь. – Он поехал вперед, через проход в живой изгороди, ведущей на вспаханное поле. – Оно еще не засеяно. Мы можем проехать по нему и затем повернуть к дому.

– Хорошо.

– Кажется, вы разочарованы.

– Немного, – призналась Тара. – Я получаю удовольствие. У меня не всегда есть время покататься вот так, когда я дома – там столько племянниц и племянников, которых надо потискать и покачать на коленях.

– Тогда покатаемся еще.

– Вы всегда ведете себя как джентльмен, а, мистер Ханрахан? Даже когда вам не слишком нравится общество?

– Мне не нравится репортер, А с наездницей все в порядке. Есть какое-нибудь конкретное место, куда вы хоте. ли бы поехать, или мы просто поскачем наугад?

– Вообще-то я надеялась подняться на вершину вон того холма. – Тара показала на округлую вершину, на голой макушке которой виднелась груда камней. Где-нибудь в другом месте это и холмом бы не считалось, но в этой части графства Клэр это была самая высокая точка на расстоянии нескольких миль вокруг. – Я всегда любила осматривать развалины.

– Правда? Тогда поехали. – Он развернул серого, и Тара последовала за ним.

Узкая тропинка вела через лес, окружавший подножие холма. Тропинка была довольно крутой и требовала внимания, но не настолько, чтобы Тара не могла любоваться едущим впереди всадником. Он действительно очень внушительно смотрелся в седле, с квадратными плечами и черными волосами, блестящими в лучах солнца, пробивающихся сквозь деревья. Возможно, другого случая отправиться с ним на прогулку верхом ей не представится. Если он сейчас не любит репортеров, то к тому времени, как она закончит свой репортаж, он ни одного журналиста вообще не пустит в графство.

Они выехали из леса и оказались на вершине холма. Брайен вскоре спешился.

– Отсюда придется карабкаться по камням. Оставим коней здесь.

Они привязали лошадей к кусту дрока и начали карабкаться вверх по неустойчивой россыпи валунов и обломков камней. На вершине ветер дул резко и сильно, принося запах моря, до которого было не так уж далеко. Брайен взобрался на широкое основание древней башни, затем повернулся к Таре и протянул ей руку. Вместе они взобрались на уцелевшие камни.

– Вот ваши развалины.

– Посмотрите на размеры этих камней, – удивилась Тара, глядя на обвалившиеся стены. – Хотелось бы знать: кто не пожалел труда, чтобы втащить их наверх?

– По словам студентов, которые время от времени совершают сюда походы из Тринити-колледжа, здесь когда-то был форт, а в средние века его превратили в небольшую крепость, обнесенную стеной. Письменных свидетельств об этом, к сожалению, не сохранилось.

– Но я не вижу никаких признаков раскопок.

– Их и нет. Бабушка не позволяет здесь копать. Она говорит, что все надо оставить как есть. И я с ней вполне согласен.

– Может быть, они сделают важное открытие.

– Или не сделают, но холм все равно погибнет. Им хватает мест, которые можно разрушить.

– Это правда, – согласилась Тара, удивляясь человеку, который способен погубить деревню, но старается сберечь вершину холма. Конечно, это же его вершина, и ему придется жить с изуродованным холмом и разрушенной до основания крепостью. В этом все дело.

Она медленно оглядела местность. Башня, по крайней мере тот кусок, который остался, была намного выше дома Брайена. Под ними в неглубокой зеленой долине реки Криг вытянулась деревня Килбули, словно блеклая медуза в оставшейся после отлива луже. Ее щупальцами были розовые, белые и желтовато-коричневые строения, протянувшиеся вдоль реки, и дороги, пересекающиеся в центре деревни. На невысоком холме стояла школа. На севере и на западе, далеко за зелеными холмами, уходящими вдаль, сияли серебром под вечерним солнцем необозримые просторы Атлантики. Казалось, океан находится гораздо ближе тех пяти миль, которые отделяют его от деревни, как было известно Таре. Далеко на юге белая полоска тумана вилась над устьем Шеннона.

– Я думаю, отсюда можно заметить корабль, входящий в бухту возле Уайт-Стрэнда, – заметила Тара. – Никто не мог бы подкрасться к вам незамеченным. Ни викинг, ни англичанин.

– Ни репортер, – добавил Брайен.

Она обернулась и уткнулась ему в грудь. На этом камне отступить назад было невозможно. Его руки легли ей на талию, чтобы поддержать, и остались там.

Она подняла глаза.

– Мистер Ханрахан.

– Брайен, – поправил он и поцеловал ее.

Поцелуй застал ее врасплох, и она по глупости ответила на него, приоткрыв рот под настойчивым напором его языка. Наверное, высота над уровнем моря резко возросла, если только такое вообще возможно, потому что внезапно у нее перехватило дыхание, закружилась голова и ее охватила необычайная легкость.

Господи, ее уже слишком давно никто так не целовал. Возможно, никогда. Она покорно закрыла глаза, и когда его ладони покинули талию и начали медленно ползти вверх, она не только не запротестовала, а застонала и, приподнявшись на цыпочки, прижалась к нему.

Он обвил ее руками и прижал к себе покрепче. Его поцелуй стал более глубоким, потом его губы соскользнули вниз и провели огненную линию по шее и снова вверх, к мочке уха. Там они задержались и стали пощипывать мочку, и она вновь застонала.

– Как вы думаете, он сумел это снять? – шепнул Брайен.

– Что? – спросила Тара, все еще ничего не видя от недостатка кислорода.

– Ваш оператор. Как вы думаете, ему удалось как следует запечатлеть нас здесь?

Тара вернулась к действительности так резко, словно ее сдернули с горы страховочным тросом. Она застыла и попыталась отстраниться.

– О чем вы говорите?

– Стойте смирно, не то угробите нас обоих, – приказал Брайен, продолжая крепко держать ее, так что ей пришлось замереть, прижимаясь к его груди. – И перестаньте играть в невинность. Ваш оператор все время колесил по дорогам, пытаясь сделать хороший снимок, пока мы скакали верхом. Это его вы якобы не увидели там, на дороге.

– Не знаю, о чем вы. Там никого не было. – Брайен как будто не слышал.

– Полагаю, именно поэтому вам захотелось подняться сюда, чтобы позволить ему сфотографировать меня ясно и четко. А, вот и он. – Он повернул ее спиной к себе и махнул рукой. Далеко внизу Тара увидела фургон, похожий на фургон РТИ, и человека с камерой. Брайен взял ее за кисть и высоко поднял. – Помашите ему.

– Господи, Финн! – Она резко повернулась к Брайену. – Я с ним об этом не договаривалась! Клянусь!

– Почему-то я вам не верю. – Он наконец отпустил ее и спрыгнул со стены. – Ну, надеюсь, он уже снял свои кадры, хотя эффект был бы лучше, если бы на вас был спрятан микрофон. Вы так чудесно стонете.

Тара вцепилась в свою рубашку, кожа ее горела в тех местах, где только что так свободно скользили его руки. Он проверял, нет ли на ней микрофонов, а вовсе не ласкал ее. Ее затошнило.

– Я уверен, вашему продюсеру понравится, что вы способны принести себя в жертву ради хорошего репортажа, – усмехнулся Брайен. – Буду ждать появления наших кадров в эфире вашей передачи.

– Вы негодяй, Ханрахан!

– Только в случае крайней необходимости, мисс О'Коннел. Пора возвращаться.

Он зашагал прочь, предоставив ей самой слезать с башни, на свой страх и риск.

Глава 5

«Хитрая, коварная, лживая».

Брайен, кипя от гнева, перепрыгивал с камня на камень, спускаясь вниз с холма, и с каждым шагом придумывал все новые эпитеты.

«Фальшивая. Предательница… Репортер». Вот к чему свелись все эпитеты. Она была репортером. Все что угодно, лишь бы сделать свою передачу. Да она прямо так и сказала.

Ну, на этот раз она перехитрила сама себя. Если у него и были намерения дать ей это чертово интервью, то они испарились, когда он понял, что они с оператором задумали.

Во всяком случае, он испытывал удовлетворение от мысли, что эта пленка никогда не выйдет в эфир, если только она хочет сохранить хоть какое-то доверие к себе. Если у камеры приличные линзы, то почти наверняка на пленке будет видно, как она ответила на его поцелуй, как прижалась к нему и позволила ему прикасаться к себе.

Ее кожа… От неожиданного прилива желания Брайен потерял равновесие, нога его соскользнула в расщелину между камнями, и он вскрикнул от боли. Высокие сапоги спасли лодыжку, но он порвал брюки и поцарапал колено.

– Черт побери!

Кровь сочилась из раны, и он проклинал собственную глупость на нескольких языках. Услышав гнев в его голосе, кони громко заржали.

Шум, который производила Тара, спускавшаяся вслед за ним, вынудил его двинуться вперед, несмотря на боль. Он добрался до лошадей, подождал ровно столько, чтобы убедиться, что она не сломала себе шею, а потом – из вредности – вскочил на своего коня. Таре ничего не оставалось, как удовольствоваться серым, который вовсе не обрадовался такой смене седоков.

– Похоже, Аякс лучше нас с тобой разбирается в людях, – шепнул он Бригу.

Серый, пританцовывая, подался вбок, и Таре с большом трудом удалось не свалиться с седла и удержать лошадь от падения на склоне. В те секунды, пока она сражалась с конем, он решил, что они сейчас упадут, и выругал себя за подозрительность. Но кровь О'Коннелов в конце концов победила, и она подчинила себе серого мерина. Брайен вздохнул с облегчением и поехал вперед.

Всю дорогу назад, к конюшне, они ехали молча. Томми встретил их у ворот и, удивившись перемене коней, пожал плечами.

– Там вас ждет один джентльмен. С телевидения, кажется. – Томми показал в сторону конюшни, где рядом с машиной Тары остановился телевизионный фургон.

Около него стоял долговязый человек с косичкой и виновато смотрел на них. Брайен спрыгнул на землю, Тара за ним, они отдали поводья Томми, и тот сразу увел животных. Тара пронеслась мимо Брайена к своему партнеру по заговору, который шагнул к ней.

– Я тебе за это башку оторву, Финн!

– Знаю. Она в твоем полном распоряжении. Но потом. – Оператор протянул Брайену видеокассету. – Я подумал, что вам захочется ее иметь.

Удивленный, Брайен взял пленку.

– Спасибо, мистер…

– Келлехер. Финн Келлехер. – У него хватило ума не протягивать руку для дружеского пожатия, и к тому же он избегал смотреть на нее. – Не сердитесь на Тару. Она говорила, что вы не хотите, чтобы я приезжал, и я подумал, что могу снять несколько красивых кадров, где вы двое скачете верхом, и вставить их потом в передачу. Но я получил больше, чем намеревался. Так что вот, держите… Я бы все равно не смог их использовать, – добавил Финн, и в его глазах загорелся лукавый огонек. – Слишком горячий материал. Во всяком случае, это была моя идея,

и можете врезать мне в челюсть, если от этого вам станет легче. В любом случае это будет не так ужасно, как то, что она собирается со мной сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.